

**«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

---

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS  
(ASIATIC MUSEUM)



# **TIBETOLOGY IN ST. PETERSBURG**

**Collected papers**

**Issue 2**

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers  
St. Petersburg  
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ  
(АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ)



# **ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

**Сборник статей**

**Выпуск 2**

Издательство «Петербургское Востоковедение»  
Санкт-Петербург  
2021

УДК 09(235.242)  
ББК Ш171+Ч611.5+Ч611.63(0)41



*Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ Франции по проекту № 21-512-15001*

*Funding: the edition was funded by RFBR and CNRS, project number 21-512-15001*

*Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН*

Рецензенты:

доктор ист. наук проф. *Н. В. Цыремпилов*; канд. филос. наук *Т. В. Ермакова*

Редакционная коллегия:

*Б. Б. Бадмаев* (Дид Хамбо-лама, Ширээтэ-лама *Джампа Доньед*); канд. филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор); проф. *Ч. Рэмбл* (Париж); *А. А. Сизова* (секретарь); доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*

**Тибетология в Санкт-Петербурге:** сборник статей. Выпуск 2. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил.

Основная часть сборника состоит из материалов, посвященных изучению исторического наследия ойратов XVII–XVIII вв., тесно связанного с историей возникновения тибетологии и буддологии в России и Европе. Вторая часть, мемориальная, посвящена памяти В. С. Толокнова (1980–2016) и его работе по изучению тибетской диаспоры в Индии.

**Tibetology in St. Petersburg.** Collected papers. Issue 2. — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. — 356 p. + 16 il.

The main part of the book consists of papers that deal with historical legacy of the Oirats from the 17<sup>th</sup> to 18<sup>th</sup> centuries which is closely connected with the initial history of Tibetology and Buddhism in Russia and Europe. The second part is dedicated to the memory of V. S. Toloknov (1980–2016) and his study of the Tibetan diaspora in India.

*На первой странице обложки:* использована рукопись Tib. 957, No. 1 (ИВР РАН).

ISBN 978-5-85803-572-5  
DOI 10.25882/8x6h-re86

© Коллектив авторов, 2021  
© Институт восточных рукописей РАН, 2021  
© Петербургское Востоковедение, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ( <i>А. В. Зорин</i> ) . . . . .	7
Foreword ( <i>A. V. Zorin</i> ) . . . . .	10
<b>Часть 1. У ИСТОКОВ ТИБЕТОЛОГИИ И БУДДОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЙРАТОВ XVII–XVIII ВВ.</b>	
<i>А. В. Зорин</i> . Тибетские рукописи из Семи Палат в собрании ИВР РАН . . . . .	14
<u>Приложение</u> . The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of <i>Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa</i> . . . . .	28
<i>В. П. Зайцев</i> . Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723) . . . . .	75
<u>Приложение</u> . Письмо аббата Ж.-П. Биньона русскому царю Петру I от 1 февраля 1723 г. . . . .	126
<i>А. А. Сизова</i> . О первой попытке перевода в истории тибетологии: метод братьев Фурмон . . . . .	135
<u>Приложение № 1</u> . Перевод статьи «Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis» . . . . .	156
<u>Приложение № 2</u> . Перевод фрагмента книги Г. З. Байера . . . . .	160
<u>Приложение № 3</u> . Перевод фрагмента книги А. Джорджи . . . . .	177
<u>Приложение № 4</u> . Перевод фрагмента статьи Г. Ф. Миллера «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio» . . . . .	184
<i>В. Б. Бородаев</i> . Лист монгольского «золотого» Ганджура из Городской библиотеки Линчэпинга с русскими надписями 1720 года. . . . .	195
<i>А. А. Туранская</i> . Фрагменты монгольских рукописей из ойратского монастыря Аблай-хит в коллекции Национальной библиотеки Франции . . . . .	246
<i>В. Л. Успенский, Н. С. Яхонтова</i> . Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ . . . . .	267
<b>Часть 2. ПАМЯТИ В. С. ТОЛОКНОВА (1980–2016)</b>	
<i>Н. Л. Жуковская</i> . Пусть это будет памятью о нем, о том, что он по воле судьбы не успел сделать сам . . . . .	294
<i>А. В. Зорин</i> . В. С. Толокнов и его работа о тибетской диаспоре в Индии. Предисловие редактора . . . . .	297
<i>В. С. Толокнов</i> . Автобиография . . . . .	302
Список публикаций В. С. Толокнова: статьи, тезисы . . . . .	303
<i>В. С. Толокнов</i> . Сохранение этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры в Индии . . . . .	305
Об авторах . . . . .	354

## CONTENTS

Foreword ( <i>A. V. Zorin</i> ) (in Russian) . . . . .	7
Foreword ( <i>A. V. Zorin</i> ) (in English) . . . . .	10
<b>Part 1. AT THE SOURCE OF TIBETOLOGY AND BUDDHOLOGY: THE OIRAT HISTORICAL LEGACY, 17<sup>TH</sup> AND 18<sup>TH</sup> CENTURIES</b>	
<i>A. V. Zorin</i> . The Tibetan manuscripts from Sem Palat preserved in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS . . . . .	14
<u>Appendix</u> . The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of <i>Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa</i> . . . . .	28
<i>V. P. Zaytsev</i> . Translation from the Tibetan language by the Fourmont brothers (1723) . . . . .	75
<u>Appendix</u> . A letter of Abbe J.-P. Bignon to the Russian Tsar Peter the Great dated February 1, 1723 . . . . .	126
<i>A. A. Sizova</i> . On the First Attempt at Translating in the History of Tibetan Studies: Fourmont Brothers' Method . . . . .	135
<u>Appendix 1</u> : Russian Translation of the article <i>Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis</i> . . . . .	156
<u>Appendix 2</u> : Russian Translation of a fragment of G. S. Bayer's book . . . . .	160
<u>Appendix 3</u> : Russian Translation of A. Giorgi's book . . . . .	177
<u>Appendix 4</u> : Russian Translation of a fragment of G. F. Müller's article <i>De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio</i> . . . . .	184
<i>V. B. Borodaev</i> . A Folio of the Mongolian "Golden" Kanjur with the Russian Inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library . . . . .	195
<i>A. A. Turanskaya</i> . Mongolian manuscript fragments from the Oirat monastery Ablaikit preserved in the National Library of France. . . . .	246
<i>V. L. Uspensky, N. S. Yakhontova</i> . Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Chieftains Kept at the Saint Petersburg University Library. . . . .	267
<b>Part 2. IN MEMORY OF V. S. TOLOKNOV (1980–2016)</b>	
<i>N. L. Zhukovskaya</i> . Let it be in memory of him, of what he did not have a chance to complete himself . . . . .	294
<i>A. V. Zorin</i> . V. S. Toloknov and his study of the Tibetan diaspora in India. The editor's foreword . . . . .	297
<i>V. S. Toloknov</i> . An autobiography . . . . .	302
The list of V. S. Toloknov's publications . . . . .	303
<i>V. S. Toloknov</i> . Preservation of Tibetan Ethnic Identity in the Diaspora in India . . . . .	305
Authors . . . . .	354

**Часть 2**

**ПАМЯТИ В. С. ТОЛОКНОВА  
(1980–2016)**

*Н. А. Жуковская*

**ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ПАМЯТЬЮ О НЕМ,  
О ТОМ, ЧТО ОН ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ  
НЕ УСПЕЛ СДЕЛАТЬ САМ**

Больно, когда внезапно обрывается чья-то жизнь. Еще тяжелее, если это жизнь молодого человека, находившегося на взлете, перед ним только что открылся огромный мир, исследованием которого он начал заниматься. Именно это произошло с Вячеславом Толокновым.

Он поступил в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН в 2012 г., отлично сдал вступительные экзамены, в том числе экзамен по специальности «этнология», проявив знание основных проблем, которыми занимается эта наука. В отличие от многих поступающих в аспирантуру молодых людей, часто не знающих, чем они будут заниматься, какой народ, страна или проблема станут предметом их исследования, он имел уже сложившийся интерес к судьбе тибетской эмиграции в Индии. В Институте этнологии и антропологии тибетолога практически не было никогда, хотя небольшие работы по тем или иным вопросам, касающимся народов Тибета, изредка появлялись в трудах института. Именно поэтому и Ученый совет ИЭА РАН, утверждавший тему его диссертации, и наш Центр азиатских и тихоокеанских исследований, к которому его прикрепили, и лично я, которую назначили его научным руководителем, восприняли с интересом и, можно сказать, с энтузиазмом появление аспиранта-тибетолога, т. к. в перспективе он мог стать сотрудником института и скорее всего нашего центра. Тибетолог нам был очень нужен.

По базовому образованию, а у него их было два, Слава был учителем истории и права (Смоленский государственный педагогический университет) и бакалавром менеджмента экономического управления предприятием (Московский авиационный институт), но не востоковедом. Однако зов Востока, интерес к таинственному Тибету уже сыграл свою роль, и к моменту поступления в аспирантуру он уже немного знал тибетский и продолжал учить его с помощью живущих в России

тибетских учителей<sup>1</sup>. В работу по теме диссертации он включился сразу. Было ощущение, что еще задолго до прихода в аспирантуру эта тема уже сложилась в его голове и что ее нужно только насытить какими-то необходимыми деталями. И этим он занимался активно.

Он свободно «путешествовал» по интернету в поисках необходимого материала, переписывался со многими учеными-тибетологами и живущими в разных странах Европы и в США тибетскими эмигрантами. Это очень помогло ему сориентироваться в основных проблемах жизни тибетцев, покинувших родину в поисках новых возможностей для себя и своего народа.

Слава участвовал в восьми научных конференциях, которые происходили в Москве (в Институте этнологии и антропологии РАН, Институте востоковедения РАН), в Санкт-Петербурге (в Институте восточных рукописей РАН и в СПбГУ, где конференция была международной), участвовал в работе XI Конгресса антропологов и этнологов России, который состоялся в Екатеринбурге. В сентябре 2015 г. Слава выступил с докладом на Международном симпозиуме молодых тибетологов в Лейпциге.

И все же главным для себя он считал обязательно побывать в Индии и своими глазами увидеть, как живут там тибетские эмигранты, как сохраняют или, напротив, теряют свой язык и свою культуру, какие общественные организации им в этом помогают, какие у них возможности получить хорошее образование, найти приличную работу, чтобы иметь возможность содержать семью, какова политика индийского правительства по отношению к тибетским мигрантам и многое другое.

Ему удалось осуществить свою мечту: дважды побывать в Индии и провести полевые исследования в местах поселения тибетских мигрантов, в 2014 г. — в штате Химачал-Прадеш на севере Индии, в 2015 г. — в том же штате Химачал-Прадеш на севере и в штате Карнатака на юге страны. Этот материал лег в основу его диссертационного исследования. Из последней поездки, длившейся 3 месяца (с октября по декабрь 2015 г.), на которую Слава выиграл грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), он вернулся буквально светящимся от радости, что нашел очень интересный материал.

Заскочив к нам в Центр азиатских и тихоокеанских исследований всего лишь на пару часов в последних числах декабря 2015 г., он ска-

---

<sup>1</sup> Кроме того, с сентября по декабрь 2014 г. он прошел курсы грамматики и разговорного тибетского языка уровня Intermediate (средняя ступень) в Центре тибетских исследований при Библиотеке тибетских трудов и архивов в Дхарамсале, Индия; получил сертификаты об их успешном прохождении.

зал, что уезжает на новогодние каникулы к родителям в Смоленск, где будет писать отчет о поездке в Индию, завершит работу над диссертацией и по возвращении в январе 2016 г. представит ее на окончательное обсуждение.

И всё! В конце января пришла трагическая весть о его безвременном и скоростижном уходе из жизни. Трудно смириться с этой потерей всем, кто его знал. Пусть предлагаемая ниже публикация фрагментов его исследования будет памятью о нем, о том, что он по воле судьбы не успел доделать сам.

*А. В. Зорин*

## **В. С. ТОЛОКНОВ И ЕГО РАБОТА О ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЕ В ИНДИИ**

### **Предисловие редактора**

Тибетология — одна из старейших востоковедных дисциплин в России. Ее трехсотлетняя история знает немало ярких личностей, удивительных и трагических судеб. Многие исследователи умерли или погибли раньше срока, многим не суждено было увидеть свои главные труды опубликованными при жизни. К числу особенно печальных принадлежат судьбы нескольких молодых людей, которые горели искренним интересом к Тибету, усердно занимались изучением его языка, культуры, религии, общества, но очень мало успели сделать по причине ранней смерти. Прежде всего на ум приходят имена В. В. Горского (1819–1847), В. С. Воробьева-Десятовского (1927–1956), В. А. Алдошина (1962–1988)<sup>1</sup>. В наше время такой фигурой, на мой взгляд, стал В. С. Толокнов (1980–2016).

Вячеслав появился в поле моего зрения осенью 2013 г., когда подал заявку на участие во Вторых Петербургских тибетологических чтениях и приехал на один день из Москвы, чтобы сделать свой доклад и познакомиться с коллегами-тибетологами из нашего города. Мне было приятно с ним встретиться, провести экскурсию по Тибетскому фонду ИВР РАН, узнать об обширных научных планах московского коллеги. Он произвел чрезвычайно приятное впечатление своим энтузиазмом. Видно было, что в российской тибетологии появился новый серьезный исследователь, твердо намеренный заявить о себе. Первое впечатление было подкреплено впоследствии профессиональными и

---

<sup>1</sup> Конечно, В. С. Воробьев-Десятовский несколько выделяется в этом ряду тем, что ему довелось при жизни приобрести статус одного из ведущих тибетологов (и индологов) послевоенного Ленинграда, но, к сожалению, его тибетологическое наследие включает лишь несколько статей, которые он успел подготовить к публикации до своей скоропостижной кончины.

отчасти личными сведениями, которыми он делился с друзьями и знакомыми в одной из популярных социальных сетей в интернете.

Его переполняла любовь к избранному им предмету изучения, каковым стали люди Тибета, вынужденные бежать со своей родины или родившиеся уже на чужбине, их беды и радости, проблемы выживания их родной тибетской культуры в современном прагматичном мире. Это сочеталось в нем со страстной любовью к собственной стране, к русской культуре. Он ярко выразил это в шуточных стихах (датируются 2012 г.):

*Люблю я всеми фибрами души  
Лобсангов, Ньим, Тензинов и Таши.  
Но было бы бесчестнейшим обманом  
Сказать, что меньше я люблю Ив́анов.*

Должен признаться, что по многим вопросам, связанным с российской проблематикой, нам оказалось трудно найти общий язык. Тем не менее я с большим интересом следил за новостями о его профессиональных успехах и радовался, что у нас появился коллега, столь искренне заинтересованный в изучении современных проблем тибетского общества в доступной для открытого исследования эмигрантской среде, с таким энтузиазмом ищущий возможности полноценной реализации своих замыслов. Для российской тибетологии это было неординарное явление. Тем труднее было поверить страшной новости о его неожиданной смерти...

Так получилось, что я редактировал одну из его основных прижизненных научных публикаций. Упомянутый выше доклад он преобразовал в статью, и она вышла в первом выпуске сборника «Тибетология в Санкт-Петербурге» в далеком уже 2014 г. (см. список публикаций на с. 303–304). Следующий год он провел самым активным образом: писал диссертацию, сделал доклад на представительном международном семинаре молодых тибетологов в Лейпциге<sup>2</sup>, совершил длительную и, насколько можно судить, очень успешную экспедицию в Индию в рамках научного проекта, поддержанного грантом РФНФ. Можно было не сомневаться, что в скором времени его самозабвенный труд

---

<sup>2</sup> Тема доклада — «The Relationship between Representatives of Different Generations of Tibetan Immigrants in Northern India: a Case Study of Dharamsala Tibetans». Судя по всему, российский исследователь запомнился иностранным коллегам. Во всяком случае, выдающийся тибетолог Пер Сёренсен, много лет проработавший профессором Лейпцигского университета и курировавший указанное научное событие, в 2019 г. говорил мне при встрече, что помнит о Вячеславе и очень сожалеет о его ранней смерти.

выльется в новые статьи, в кандидатскую диссертацию. К несчастью, этому не суждено было осуществиться.

В прошлые времена неопубликованные работы могли сохраняться только в бумажных черновиках. Очень многое оказалось сокрыто в архивах<sup>3</sup>, еще больше, вероятно, было утрачено безвозвратно. Современные электронные средства фиксации информации, с одной стороны, кажутся более эфемерными, с другой — их проще сохранять и обрабатывать. Это позволило Анне Юдкиной, близкому другу В. С. Толокнова, вернуть к жизни его рабочие материалы, которые иначе, скорее всего, бесследно пропали бы. Я, со своей стороны, счел необходимым выступить в роли их редактора, чтобы отдать долг памяти безвременно ушедшему коллеге и в то же время ввести в научный оборот то, что он написал, но не успел опубликовать.

Речь идет об исследовании «Сохранение этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры в Индии», которое должно было стать диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — этнология, этнография, антропология; научный руководитель д-р ист. наук Н. Л. Жуковская. Черновой вариант диссертации В. С. Толокнов планировал закончить в первой половине 2016 г. Учитывая, что ему удалось совершить две очень плодотворные экспедиции в Индию (особенно важной была вторая, совершенная осенью 2015 г.), не приходится сомневаться, что этот план вполне мог быть реализован.

Нельзя сказать, что выбранная автором тема совсем не исследована мировой наукой: в своем труде он неоднократно ссылается на публикации предшественников. Новизна его работы состоит в попытке комплексного исследования феномена тибетской диаспоры в Индии, в рассмотрении ее как своего рода системы. Внутри этой системы непрерывно происходит накопление и преодоление противоречий, при этом она зависит от меняющихся внешних условий, поскольку тибетская диаспора существует в конкретных политических, экономических, социальных условиях принимающей страны — Индии. Кроме того, изменения происходят достаточно быстро, поэтому новые исследования, опирающиеся на свежие официальные данные и живую экспедиционную работу, всегда имеют актуальность.

---

<sup>3</sup> Достаточно упомянуть в связи с этим одного из зачинателей изучения тибетского языка и письменности в Петербурге Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), чьи обширные научные труды по различным областям знания, хранящиеся в СПбФ АРАН, стали издаваться лишь со второй половины XX в., при этом его материалы по восточной лексикографии только сейчас впервые готовятся к публикации.

В своей работе автор не рисует благостную картину. Он указывает на болевые точки как внутри самой диаспоры, так и в ее отношениях с окружающим обществом, демонстрирует неизбежные сложности в сохранении тибетской идентичности за пределами исторической родины. Вместе с тем он делает это с большим сочувствием, ищет объективно существующие источники для оптимизма. Автору удалось продемонстрировать некоторые серьезные структурные отличия в экономическом, социальном, даже психологическом состоянии тибетцев, проживающих на севере Индии, прежде всего в своеобразной «метрополии» диаспоры — городе Дхарамсала, и тибетцев, проживающих на юге страны, в штате Карнатака. Для объяснения этих отличий им был проведен исторический, социоэкономический, этнопсихологический анализ.

Остается только сожалеть, что у В. С. Толокнова не было возможности полноценно обработать обширные экспедиционные материалы, собранные им во время полевой работы в южноиндийских тибетских поселениях и, безусловно, представлявшие первоочередной интерес для науки. Черновые электронные материалы, которые передала мне А. Б. Юдкина, подтверждают, что работа над текстом исследования шла полным ходом и требовалось только немного времени (возможно, несколько месяцев) для ее завершения.

Хочется верить, что и в усеченном виде исследование В. С. Толокнова будет востребовано отечественной наукой, а изложенные в нем факты и идеи будут учтены будущими исследователями.

По таким основным структурным элементам исследования, как Введение, Главы I–IV, имеются значительные по объему фрагменты, пригодные для публикации, хотя, конечно, они не имеют того финального вида, который автор, очевидно, предполагал им придать. Мной была проведена небольшая обработка этих фрагментов с целью создать частичную реконструкцию монографии, которая могла бы получиться у автора в конечном счете. Введение и Глава I («Исторические условия возникновения тибетской диаспоры») основаны на соответствующих частях из черновика диссертации. В последнем также представлены небольшие фрагменты и наброски к Главе II («Современное положение тибетской диаспоры в Индии»). Большой фрагмент, раскрывающий замысел Главы III («Тибетская диаспора Северной Индии на примере современной тибетской общины города Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш)»), представлен в материалах к докладу, сделанному В. С. Толокновым на конференции в Лейпциге (текст написан по-русски, доклад был сделан на английском языке). Примерно такой же по величине фрагмент Главы IV («Тибетская диаспора Южной Индии на

примере тибетских поселений штата Карнатака») взят из отчета по проекту, поддержанному РГНФ, на средства которого автором была совершена вторая экспедиция в Индию. В итоге собрался довольно обширный материал, равный примерно трети от объема гипотетической монографии без учета предполагавшихся приложений, о структуре которых можно только догадываться.

Помимо незначительной перекомпоновки фрагментов мной осуществлялась стилистическая правка, неизбежная при любой редакции и тем более необходимая при работе с текстом, который самому автору не суждено было представить в законченном виде. Те редкие случаи, когда внесенные мной изменения имеют смысловой, а не чисто стилистический характер, помечены квадратными скобками или оговорены в сносках. Все дополнения также помещены в квадратные скобки, исключая библиографические записи, мной полностью проверенные и уточненные. Отдельные сведения, содержащиеся в тексте, требовали комментария, который представлен в сносках с пометкой «Примеч. ред.».

Мне хотелось бы поблагодарить А. Б. Юдкину за подготовительную и организационную работу, без которой предлагаемая публикация была бы невозможна, а также О. И. Трофимову за содействие и поддержку. Издаваемый текст согласован с родителями В. С. Толокнова — Сергеем Николаевичем и Валентиной Сергеевной Толокновыми, проживающими в г. Смоленске.

*В. С. Толокнов*

## АВТОБИОГРАФИЯ<sup>1</sup>

Я, Толокнов Вячеслав Сергеевич, родился 20 июля 1980 г. в г. Ужгород Закарпатской области [УССР].

В 1986 г. был зачислен в 1-й класс общеобразовательной школы № 84 г. Львова, в которой проучился до 1994 г. С 1994 по 1997 г. учился в СШ № 39 г. Смоленска. В 10-м и 11-м классах учился по юридическому направлению (юридические классы от Смоленского Гуманитарного университета). Регулярно участвовал в научных конференциях по истории.

В 1997 г. поступил в Смоленский государственный педагогический университет на факультет «История и право». В период обучения в СГПУ участвовал в научных конференциях с докладами по тематике восточной философии и религии. Принимал участие в масштабных археологических раскопках славянского населения VIII века близ пос. Колодня Смоленской обл. под руководством доктора ист. наук профессора Е. А. Шмидта.

Дипломную работу защищал по теме «Тибето-китайские отношения: от истоков к современным проблемам». Закончил СГПУ в 2002 г., получив квалификацию «Учитель истории и права».

В 2003 г. переехал в Москву. В этом же году поступил в Московский авиационный институт (МАИ), который с отличием окончил в 2005 г., получив степень бакалавра менеджмента, специализация — экономическое управление предприятием.

В 2003 г. начал работать в строительном концерне НПО «Космос» в г. Москве на должности инженера технического отдела, принимал участие в проектировании и строительстве крупных объектов в г. Москве (например, «Лефортовские тоннели» ТТК). На этой должности я занимался вопросами контроля качества выпускаемой проектной

---

<sup>1</sup> Составлена при поступлении в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН (2012).

документации, согласования проектной документации с надзорными и эксплуатирующими организациями столицы.

Весь дальнейший трудовой стаж также получен в сфере инжиниринговых услуг; занимался также вопросами маркетинга, финансового анализа, административной работой, юридическим сопровождением.

В течение всего периода обучения в ВУЗах и трудовой деятельности я не переставал самостоятельно заниматься востоковедением. В том числе изучал восточные языки: санскрит (курсы в ИЯ РАН) и тибетский язык. Приоритетной сферой своих научных интересов считаю тибетологию и буддологию. Ориентируюсь в специальной литературе в области тибетологии.

Также в сферу интересов входят: лингвистика (особенно компаративистика), литература и литературоведение, западная философия.

В настоящее время продолжаю посещать курсы тибетского языка, проводимые квалифицированными преподавателями и носителями языка.

#### Список публикаций В. С. Толокнова: статьи, тезисы <sup>2</sup>

1. Тибетская диаспора в Индии: опыт совместного проживания и межкультурного взаимодействия // Культурные границы и границы в культуре: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 5–7 декабря 2012 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 227–234.

2. Буддийские общины Москвы в нач. XXI в. // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М. Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 167.

3. The Role of the Literary Tradition in Preserving of Ethnic Identity of the Tibetans in the Diaspora [Роль литературной традиции в сохранении этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры] // Тибетская письменная традиция и современность: Тезисы и доклады / отв. ред. П. Л. Гроховский. СПб.: Студия «НП-Принт», 2014. С. 34.

4. Пути сохранения этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 92–99.

5. Тибетские беженцы в Индии: статус, проблемы и перспективы // Миграция и мигранты: Тезисы докладов и программа. Секция 2. XI конгресс антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2–

---

<sup>2</sup> Составлен на основе списка, содержащегося в черновом тексте автореферата диссертации, с некоторыми дополнениями.

5 июля 2015 г.) / ред. В. В. Степанов, Н. А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 43–44.

6. Тибетские беженцы в Индии: статус, проблемы и перспективы // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. С. 280–284.

*В. С. Толокнов*

## **СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТИБЕТЦЕВ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ В ИНДИИ**

### **[Предполагаемая структура работы <sup>1</sup>]**

Введение

Глава I. Исторические условия возникновения тибетской диаспоры

1.1 Тибето-китайские отношения с 1913 по 1949 г.

1.2. События в Китае в 1950-х гг. и первая волна эмиграции

1.3. Первые годы в Индии: миграционная политика в отношении тибетских беженцев

[1.4. Вторая волна эмиграции]

Глава II. Современное положение тибетской диаспоры в Индии

2.1. Статус тибетских беженцев в Индии

[2.2. Социально-политическая система тибетской диаспоры как инструмент сохранения тибетской идентичности

2.2.1. Возникновение политических институтов

2.2.2. Центральная Тибетская администрация — правительство тибетцев в изгнании

2.2.3. Тибетский парламент в изгнании

2.2.4. Общественные организации

2.2.5. Политические институты тибетской диаспоры в политической системе Индии

2.2.6. Политические стратегии развития тибетского общества

2.2.7. Тибетский национализм в диаспоре]

---

<sup>1</sup> В квадратные скобки помещены наименования тех параграфов и подпараграфов, которые вообще не отражены в черновых материалах, имеющихся в нашем распоряжении. (*Примеч. ред.*)

- 2.3. Процессы адаптации тибетцев в Индии и диаспорная идентичность
  - 2.3.1. Взаимоотношения тибетцев с местным индийским населением
  - [2.3.2. Психологическая адаптация вновь прибывших тибетцев
  - 2.3.3. Социоэкономическая адаптация тибетских мигрантов в Индии
  - 2.3.4. Взаимоотношения между различными поколениями тибетских беженцев в Индии]
  - 2.3.5. Диаспорная идентичность тибетцев в Индии
- 2.4. Языковая ситуация в тибетской диаспоре Индии
- 2.5. Система образования в тибетской диаспоре как один из ключевых компонентов сохранения этнической идентичности
  - [2.5.1. Возникновение, становление и отличительные черты
  - 2.5.2. Тибетская детская деревня: школа, интернат или семья?
  - 2.5.3. Интеграция тибетской образовательной системы в изгнании в индийскую систему образования
  - 2.5.4. Инклюзивное образование
  - 2.5.5. Система высшего духовного и светского образования]
- 2.6. Культура тибетской диаспоры как фактор сохранения этнической идентичности
  - 2.6.1. Современная тибетская диаспорная музыка и кино
  - 2.6.2. Современная тибетская литература в условиях диаспоры
  - [2.6.3. Традиционная тибетская буддийская живопись в жизни тибетских беженцев]

Глава III. Тибетская диаспора Северной Индии на примере современной тибетской общины города Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш)

Глава IV. Тибетская диаспора Южной Индии на примере тибетских поселений штата Карнатака

[4.1. Тибетские поселения в Белакуппе]

4.2. Тибетские поселения в Мундгоде

[Заключение]

[Приложения]

## ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования лежит как в области изучения мировых миграционных процессов, так и в культурологической сфере.

Что касается миграционного аспекта исследования, то на фоне новых тенденций мировой миграционной политики в работе рассматриваются истоки процесса вынужденной миграции на примере части тибетского народа, столкнувшегося с этим явлением еще в середине XX в. и продолжающего жить в этом состоянии уже более полувека. Тибетская диаспора в Индии во многом является наиболее успешной и эффективной моделью диаспорного сообщества из всех известных в мире. Опыт построения государства беженцев (пусть и не признанного ни одной страной мира) на территории другого государства, принявшего их и обеспечившего всем необходимым, является уникальным в мировой истории. Такое уникальное положение тибетцев является одним из ключей к пониманию современных нарастающих процессов вынужденной миграции во многих регионах планеты.

Практическая ценность исследования состоит в том, что оно на примере тибетских беженцев в Индии позволяет выявить закономерности возникновения, нарастания и затухания процессов вынужденной миграции в долгосрочном периоде и влияние последних на трансформацию этнической идентичности мигрирующего этноса.

До сих пор в отечественной науке не было комплексных исследований феномена тибетской диаспоры в контексте социокультурной и экономической адаптации тибетских беженцев из КНР, рассматривающих тибетскую диаспору в исторической перспективе с момента ее возникновения в 1950-х гг. вплоть до сегодняшнего дня. Научная новизна работы проявляется в следующих аспектах:

- 1) обоснована справедливость применения к тибетским мигрантам за пределами КНР классического понятия «диаспора» на основании наличия всех необходимых признаков диаспоричности;
- 2) выявлена специфика различных волн тибетской миграции;
- 3) обозначена роль и место тибетского правительства в изгнании в сохранении традиционных институтов тибетского общества;
- 4) проанализирован внутридиаспоральный дискурс относительно будущего Тибета и тибетской диаспоры за пределами Тибета;
- 5) показано значение для современных тибетцев в целом и для членов диаспорного сообщества в частности личности Далай-ламы как одной из основ тибетской этнической идентичности;
- 6) раскрыта уникальность образовательной системы внутри тибетской диаспоры и ее роль в функционировании диаспорного сообщества;

7) прослежены процессы адаптации и аккультурации тибетцев в инокультурной среде в Индии;

8) представлен и проанализирован межпоколенный диалог внутри тибетской диаспоры;

9) определена роль тибетского языка в сохранении этнической идентичности; отмечены аспекты многоуровневости тибетского языка и влияние этого лингвистического явления на взаимоотношения между различными поколениями тибетцев;

10) сохранение национальных праздников и обрядов охарактеризовано как условие сохранения этнической идентичности тибетцев на фоне повсеместной вестернизации тибетской молодежи;

11) рассмотрено явление повторной миграции тибетцев в страны Запада на материалах опросов и интервью;

12) введены в научный оборот новые документальные данные по вопросам, связанным с тибетскими беженцами в Индии (материалы заседаний нижней палаты парламента Индии за период с 1952 по 2005 г.);

13) представлены новые демографические данные, позволяющие увидеть динамику миграционных процессов тибетских беженцев из КНР.

Кроме того, сделана попытка рассмотреть привычные аспекты жизни тибетского диаспорного сообщества в условиях процессов глобализации. Актуальное состояние тибетского мигрантского сообщества изменяется очень быстро, что приводит к устареванию как количественных показателей, так и качественных параметров исследуемых вопросов.

Несмотря на многочисленные работы зарубежных исследователей в области изучения различных аспектов жизни тибетских беженцев в Индии, существует ряд трудностей и нерешенных проблем. С одной стороны, работы многих исследователей зачастую предвзяты в использовании тех или иных источников. Так, данные Тибетского правительства в изгнании используются, как правило, почти безоговорочно, а данные официальных китайских ведомств если не игнорируются, то, во всяком случае зачастую почти априорно, считаются умышленно искаженными и служащими пропагандистским целям КНР.

Абсолютное большинство работ, посвященных указанной проблематике, выходит за пределы России и является результатом многочисленных исследований зарубежных ученых из различных отраслей науки — историков, социологов, этнологов, лингвистов, психологов. Основной массив исследований и документов по данному вопросу относится к периоду с середины XX в. до наших дней, но, несмотря на

столь небольшой период изучения, представляет собой довольно внушительное количество статей, диссертаций, монографий. Особую ценность представляют аудиовизуальные материалы, а также письменные интервью с представителями тибетских мигрантов.

Большая часть издаваемой литературы выпускается в виде международных сборников статей и монографий.

Изучение различных аспектов жизни тибетской диаспоры берет свое начало в 1960-х гг. Связано это главным образом с массовым исходом части населения исторического Тибета вместе со своим политическим и духовным лидером Далай-ламой XIV.

Всплеск изучения тибетской диаспоры с начала 1960-х гг. связан в том числе и с вновь возникшей изоляцией Тибета начиная с 1959 г., после Лхасского восстания тибетцев против китайских властей. Полевая работа среди тибетских беженцев в Индии в то время (впрочем, как и сейчас) давала исследователям свежий материал о положении дел в закрытом от посторонних глаз Тибете, а также позволяла изучать тибетский народ в условиях, когда последний находился в инокультурной среде, претерпевал лишения и стоял перед вызовом.

Ученых также интересовало то, каким образом и в какой мере тибетцы в условиях формирующейся диаспоры будут воспроизводить традиционные духовные и политические институты, решать вопросы образования и здравоохранения, взаимодействовать с региональными властями и местным населением принимающей страны.

В сферу научного интереса изначально было включено изучение таких показателей, как социальный состав тибетских мигрантов, процент грамотного населения среди прибывших, уровень их образования, прочность связей с родственниками на исторической родине и т. д.

Крупнейший американский тибетолог Мэлвин Голдстейн в 1968 г. защитил диссертацию на тему «Антропологическое изучение тибетской политической системы»<sup>2</sup>. В основу работы помимо прочего были положены и результаты полевых исследований, проведенных ученым с декабря 1965 по август 1967 г. во время научной экспедиции в районы поселения тибетских беженцев на юге Индии и на севере Индии.

Первые свидетельства о жизни тибетских беженцев в Индии, помимо немногих ученых, принадлежат, естественно, путешественникам и писателям, которые в начале 60-х годов находились в тех районах Индии, куда прибывали первые потоки мигрантов из Тибета. Ярким примером такого свидетельства является ирландская путешественница

---

<sup>2</sup> Goldstein M. An Anthropological Study of the Tibetan Political System. University of Washington, Ph. D., 1968. Anthropology. (Примеч. ред.)

и писатель Дэрвля Мёрфи, которая не просто была свидетельницей обустройства первых тибетских поселенцев на индийской земле, но и помогала им в качестве волонтера в лагерях для беженцев в Северной Индии. В 1966 г. вышла ее книга «Тибетский плацдарм» («Tibetan Foothold») <sup>3</sup>, в которой она живо описывает ежедневную тяжелую жизнь обитателей этих лагерей, работу горстки волонтеров по спасению сотен тибетских детей от голода и болезней. Вместе с тем она освещала культурные и социальные проблемы, с которыми тогда столкнулись тибетские беженцы, бывшие до этого в изоляции от всего остального мира.

В 1979 г. как один из результатов конференции по тибетским исследованиям в Оксфордском университете, организованной Майклом Арисом (Michael Aris), была основана Международная ассоциация тибетологических исследований (IATS). По результатам IATS публикуются сборники (например, «Tibet, Self, and the Tibetan Diaspora: Voices of Difference» (Brill's Tibetan Studies Library, 2)).

В 2006 г. вышла статья доктора Мартина Миллза из университета Абердина, которая называется «The Silence in Between: Governmentality and the Academic Voice in Tibetan Diaspora Studies» <sup>4</sup>.

Среди ученых, занимающихся проблемами тибетской диаспоры, следует также отметить следующих: Дибьеш Ананд (университет Вестминстера), Мартин Бауманн (университет Ганновера), Дагмар Бернсторфф (Нью-Дели), Хуберт фон Вельк (Южная Африка), Питер Бишоп (университет Южной Австралии), Энн Фрешетт, Пол Клигер (Калифорнийская академия наук), Фрэнк Кором (Бостонский университет), Франц Михаэль (Вашингтонский университет), Манфред Новак (Венский университет), Стивен Вентурино (университет Лойолы в Чикаго) <sup>5</sup> и ряд других.

---

<sup>3</sup> *Murphy D.* Tibetan Foothold. [London]: John Murray, 1966. (Примеч. ред.)

<sup>4</sup> *Mills M.* The Silence in Between: Governmentality and the Academic Voice in Tibetan Diaspora Studies // *Critical Journeys: The Making of Anthropologists.* Eds. G. de Neve, M. Unnithan-Kumar. Abingdon, UK: Routledge, 2006. P. 191–206. (Примеч. ред.)

<sup>5</sup> Приведем имена указанных исследователей в латинском написании и уточним места работы некоторых из них: Dibyesh Anand; Martin Baumann (с 2003 г. работает в Университете Люцерн, Швейцария); Dagmar Bernstorff; Hubertus von Welck (многолетний сотрудник германского Фонда Фридриха Наумана (Friedrich-Naumann-Stiftung), с 2020 г. возглавляет представительство фонда в Шри-Ланке и Бангладеш); Peter Bishop; Ann Frechette (в начале 2000-х гг. преподавала в Гамильтонском колледже, г. Клинтон, штат Нью-Йорк, США); Paul Christian Klieger (1951–2019); Frank Korom; Franz H. Michael (1907–1992); Manfred Nowak (австрийский правовед, специализирующийся в области защиты прав человека, сотрудничает с различными универ-

Что касается России, то существуют 2–3 основных очага изучения проблем тибетской диаспоры. Прежде всего это Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) и кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Следует отметить, что исследования, касающиеся непосредственно тибетской диаспоры за пределами исторического Тибета, составляют крайне низкий процент от общего числа тибетологических исследований. Отдельно следует выделить монографию И. С. Урбанаевой «Дхарамсала и мир тибетской эмиграции», изданную в 2005 г. ИМБТ СО РАН в Улан-Удэ.

Цель данной работы — показать уникальность тибетской диаспоры ввиду специфического отношения ее членов к своим традициям, религии, культуре и представить целостную картину жизни тибетских мигрантских поселений в Индии. На сегодня существует более тридцати пяти тибетских поселений в Индии. По преобладающему роду занятий жителей их можно условно разделить на три категории: сельскохозяйственные поселения (четыренадцать), ремесленные (девять), сельскохозяйственно-промышленные (двенадцать).

Одной из целей работы является выявление и фиксация тех многоуровневых трансформаций, которые претерпевает тибетский беженец, попадая в инокультурную среду. Это и лингвистические трансформации (например, рассматривается вопрос, почему в случае с тибетцами в Индии не происходит языкового сдвига и почему он происходит с тибетцами на Западе), и экономические, и религиозные, и другие.

Ввиду крайней политизированности так называемого «тибетского вопроса» важнейшей задачей был сбор, обработка и анализ первичных данных о процессе миграции тибетцев, их экономической и культурной адаптации в принимающей стране.

Источниками при работе над исследованием послужили материалы национальных переписей населения Индии и Китая и текущей статистики Центральной Тибетской администрации (призваны образовать стройную систему социально-демографических и этноязыковых показателей, характеризующих различные стороны развития населения); данные экспертных опросов (чиновники различных рангов, преподаватели и руководители учебных заведений, работники миграционной службы, органов труда и занятости и т. п.); архивные материалы Тибетской библиотеки рукописей и архивов (LTWA) в г. Дхарамсале (штат Химачал-Прадеш); материалы отчетности школ (Tibetan Child-

---

ситетами и международными организациями); Steven J. Venturino (в настоящее время преподает в Библиотеке Ньюберри, Чикаго). (*Примеч. ред.*)

ren's Village) и других образовательных учреждений (College For Higher Tibetan Studies, Tibetan Transit School)<sup>6</sup>; материалы конференций и конгрессов, посвященных вопросам тибетских мигрантов и образовательной политики; материалы министерств и ведомств Индии, касающиеся статуса и положения тибетцев в Индии; материалы судебной практики; опубликованные нарративы тибетцев разных волн эмиграции (см.: «Children of Tibet: an Oral History of the First Tibetans to Grow Up in Exile»<sup>7</sup>); полевые материалы автора, собранные во время двух экспедиций в Индию (в 2014 г. полевые исследования проводились в городе Дхарамсала, штат Химачал-Прадеш в Северной Индии; в 2015 г. — в тибетском квартале Маджну-Ка-Тилла в Дели и в тибетских поселениях штата Карнатака в Южной Индии — Мундгод, Белакуппе, Коллегал, Хунсур).

В основе методологии данного исследования лежит конструктивистский подход к пониманию этнической идентичности.

Что касается понимания диаспоры, то в исследовании я опираюсь на первоначальное историческое основание возникновения этого термина у древних евреев, а также на положения тех современных ученых, которые рассматривают диаспору во многом как политическое явление. Я рассматриваю диаспору в узком понимании, т. е. как этническую группу, проживающую вне исторической родины и обладающую четко выраженной институциональной структурой, которая позволяет данной этнической группе сохранять свою этническую идентичность.

При подготовке и проведении исследования применялись следующие методы:

*Архивная работа.* В течение октября — декабря 2014 г., а также сентября — декабря 2015 г. работа велась в городе Дхарамсала (Индия) в Библиотеке тибетских рукописей и архивов, которая является главным архивным и библиотечным центром всего тибетского диаспорного сообщества. Здесь хранится большая часть работ, издаваемых специалистами всего мира по тибето-буддийской проблематике в целом и по вопросам тибетской диаспоры в частности. Так, я ознакомился с диссертационными исследованиями Акселя Кристиана Строма («Идентификация и культурная преемственность в тибетской диаспоре»)<sup>8</sup>, Матильды Бернабей («Образование, идентичность и деятель-

---

<sup>6</sup> Все три названные организации базируются в Дхарамсале или рядом с ней. (Примеч. ред.)

<sup>7</sup> Cayley V. Children of Tibet: an Oral History of the First Tibetans to Grow Up in Exile. Balmain, New South Wales: Pearlfisher, 1994. (Примеч. ред.)

<sup>8</sup> У данного автора (Axel Kristian Strøm) имеется публикация: The Quest for Grace. Identification and Cultural Continuity in the Tibetan Diaspora // Occa-

ность тибетской молодежи в индийской диаспоре»)<sup>9</sup>, Кимберли Дюк («Культурное гражданство тибетцев в изгнании»)<sup>10</sup>, Церинг Дхундупа («Пространственная структура грамотности тибетских беженцев в Индии»)<sup>11</sup>, Тензин Чходака («Образование тибетских беженцев»)<sup>12</sup> и с некоторыми другими работами. Кроме того, мной были проанализированы законодательные акты, изданные в различные периоды времени Тибетским правительством в изгнании.

*Анкетирование.* Во время полевого выезда в Дхарамсалу в 2014 г. мною был проведен опрос местного тибетского населения методом анкетирования. В опросе приняли участие люди различных возрастных групп и социального статуса. Анкету можно условно разбить на блоки: личные данные, сведения об образовании, этнолингвистические данные и т. д.

Данные, собранные при помощи анкетирования, были необходимы для подтверждения как уже имеющейся информации, так и некоторых новых предположений и не преследовали целей количественного анализа данных.

Кроме анкетирования с использованием универсальной анкеты, проводилось экспресс-анкетирование студентов Колледжа высших тибетских исследований<sup>13</sup>, в ходе которого была получена информация о жизни тибетских студентов, их мотивации, участии в образовательном процессе, предпочтениях и трудностях. В сочетании с информацией, полученной в результате экспертного интервью с генеральным секретарем данного учебного заведения (аналог проректора по учебной работе), анкетирование студентов позволило создать более объективную картину образовательного процесса тибетского мигрантского сообщества.

---

sional papers in Social Anthropology, No. 24. Oslo: Institute and Museum of Anthropology, University of Oslo, 1995. Однако диссертацию А. К. Стром защитил по иной теме: Continuity, adaptation and innovation: Tibetan monastic colleges in India. PhD dissertation, University of Oslo, 2001. (*Примеч. ред.*)

<sup>9</sup> *Bernabei, Matilde.* "Born on Tongue": Education, Identity and Agency of Tibetan Youth in the Indian Diaspora. MA thesis. Simon Fraser University, 2001. (*Примеч. ред.*)

<sup>10</sup> *Dukes, Kimberly.* Cultural Citizenship in the Tibetan Exile: Movies, Media, Personal Stories. PhD Dissertation. Temple University, 2006. (*Примеч. ред.*)

<sup>11</sup> *Tsering Dhundup.* Spatial Pattern of Literacy of Tibetan Refugees in India. Shimla, 1998. (*Примеч. ред.*)

<sup>12</sup> *Tenzing Chhodak.* Education of Tibetan Refugees: Characteristics and Conditions of Learning Environments in Selected Tibetan Schools in India. Doctoral dissertation, University of Massachusetts, 1981. (*Примеч. ред.*)

<sup>13</sup> Упомянутая выше организация (College For Higher Tibetan Studies), расположенная в поселении Сарах близ Дхарамсалы. (*Примеч. ред.*)

*Интервью.* В ходе полевых выездов 2014 и 2015 гг. был проведен ряд экспертных интервью с представителями тибетского правительства в изгнании (в том числе со спикером парламента и с заместителем министра иностранных дел), руководством средних и высших учебных заведений, преподавателями, сотрудниками библиотеки и архива. Спецификой подобных интервью являлся их надличностный характер, то есть интервьюеры рассказывали каждый о своей области компетенций, а также о жизни тибетского сообщества в целом — с точки зрения политики, экономики, образования, культуры и т. д. Экспертные интервью фиксировались при помощи диктофона, в ряде случаев велась видеосъемка.

Помимо экспертных интервью применялся и такой вид качественных исследований, как глубинное неструктурированное интервью. Среди интервьюируемых были тибетские беженцы различных поколений и социальных статусов.

*Наблюдение.* Одним из важнейших источников получения информации являлось включенное наблюдение. Во время полевого выезда 2014 г. более двух месяцев мне удалось прожить в Дхарамсале, практически не покидая этот город и его окрестности. Благодаря этому стало возможным ежедневное детальное наблюдение за жизнью тибетской общины при непосредственном участии в ней в качестве того или иного действующего лица. Вместе с тибетцами я принимал пищу, работал в библиотеке и архиве, участвовал в шествиях со свечами в память о тибетцах, погибших в результате самосожжения, посещал местные кинофестивали и фотовыставки, присутствовал на многочисленных торжественных и праздничных мероприятиях, посещал учения Далай-ламы при стечении тысяч тибетских паломников. При этом наблюдение всегда сопровождалось общением на самые различные темы с тибетскими чиновниками и рядовыми тибетцами.

Помимо Дхарамсалы работа велась и в компактном тибетском квартале Дели (Маджну-Ка-Тилла), где также осуществлялся сбор данных о жизни тибетских беженцев при помощи метода включенного наблюдения и опросов.

*Статистика.* Статистические данные, касающиеся различных сторон жизни тибетских беженцев, публикуются с периодичностью приблизительно раз в 10 лет. Последний такой отчет был опубликован Комиссией по планированию (Planning Commission) Центральной Тибетской администрации (ЦТА) в 2009 г. Предыдущий отчет публиковался лишь в 1998 г. Статистические данные для подобных отчетов стекаются в вышеуказанную комиссию из профильных департаментов ЦТА. Свежую информацию возможно получить после соответствующей

щего запроса в то или иное ведомство. Например, статистические данные по учебным заведениям были получены мной в Департаменте образования.

Также использовались статистические данные некоторых неправительственных организаций, таких как «Международная кампания за Тибет» (International Campaign for Tibet), сотрудничающих с Департаментом информации и международных отношений Тибетского правительства в изгнании.

Для сопоставления масштабов миграции тибетцев из Китая, а также для проведения количественного анализа различных аспектов жизни тибетцев в Тибете и за его пределами использовались материалы Всекитайской переписи населения 2010 г.

*Анализ СМИ.* В ходе работы в Библиотеке тибетских рукописей и архивов в Дхарамсале я проанализировал главный печатный орган Департамента образования ЦТА, газету «Sherig News», за период с 1997 по 2014 г.

Также в работе я использовал текущие выпуски газет «Tibetan Review» и «Tibet Times» (за октябрь — декабрь 2014 г.), освещающие как мировые новости и события в Тибете, так и насущные вопросы жизни тибетской диаспоры.

[Были достигнуты следующие результаты:]

— на основе собранных полевых материалов и архивных данных представлена целостная картина функционирования тибетской диаспоры в Индии;

— сделана попытка рассмотрения двух конкурирующих стратегий развития тибетской диаспоры и доказано, что рядовые представители тибетской диаспоры редко бывают знакомы со всеми нюансами внешне поддерживаемых ими стратегий, и потому судьбу тибетской диаспоры во многом определяют официальные власти (политика Среднего пути или достижения «подлинной автономии») или радикальные молодежные активисты (политика борьбы за полную независимость Тибета от Китая);

— рассмотрена специфика внедрения принципов демократии по западному образцу в традиционную тибетскую систему взаимоотношений власти и общества;

— доказана особая роль личности Далай-ламы как определяющего фактора стабильности тибетского мигрантского сообщества во всем мире и выявлена угроза раскола тибетской диаспоры в случае исчезновения/смерти лидера тибетских буддистов;

— обоснована уникальность тибетской диаспоры как сообщества, сумевшего создать единственное в мировой истории государство бе-

женцев с воспроизведением всех ветвей власти, с парламентом, созданным на основе представительства от всех регионов проживания тибетского населения, правительством, полноценными системами образования и здравоохранения, системой распределения финансовых средств и социальных благ. При этом показано, что вся созданная тибетскими беженцами административная система органично вплетена в административную систему Индии — государства, являющегося основным центром сосредоточения тибетских беженцев;

— выявлена недооценка масштабов повторной эмиграции тибетцев из Индии в страны Западной Европы, Канаду и США, а также помощи, оказываемой друг другу родственниками из разных регионов мира;

— обозначена и проанализирована парадоксальность статуса тибетских беженцев в Индии, которая проявляется в следующем: несмотря на проблемы, возникающие у тибетских иммигрантов из-за отсутствия индийского гражданства, наблюдается нежелание получать его со стороны тех из них, кто имеет для этого все правовые основания.

В заключении к работе сформулированы некоторые рекомендации относительно мер, которые следует принять в сферах образования, просвещения, культуры, межэтнического взаимодействия с целью сохранения этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры.

## ГЛАВА I

### ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ. ФЕНОМЕН ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ

Географическое положение Тибета на протяжении всей истории играло важную роль в его взаимоотношениях с соседними государствами. На севере он граничил с Восточным Туркестаном и Монголией, на востоке — с Китаем, на юге — с Индией, Непалом, Бутаном, Бирмой, на западе — с Кашмиром. Это соседство неизбежно порождало контакты тибетцев с окружающими их народами, проявлявшиеся в поддержании взаимовыгодных торговых отношений, духовных связей, а также в периодическом возникновении военных и политических союзов. Степень сотрудничества или конфронтации зависела чаще всего от политической ситуации в соседних регионах и в самом Тибете.

Эти связи во всем своем многообразии можно проследить во взаимоотношениях Тибета с теми или иными правящими династиями Ки-

тая. Что касается тибетско-индийских отношений, то здесь красной нитью проходит преимущественно их духовная компонента. Для тибетцев во все времена Индия была прежде всего родиной буддийского учения и рассматривалась, таким образом, как старший брат и учитель. Об этом и сегодня говорит Далай-лама XIV Тензин Гьяцо, подчеркивая, что «Индия — это наш учитель (guru), а Тибет — это ученик (chela). Поэтому, когда у ученика случаются проблемы, учитель также несет ответственность за их решение»<sup>14</sup>.

### 1.1. Тибето-китайские отношения с 1913 по 1949 г.

Статус Тибета на протяжении веков был различным, и нельзя сказать, что в какой-то из периодов своей истории Тибет был полностью независимым государством, способным игнорировать то или иное внешнее влияние<sup>15</sup>. Прежде всего речь идет о влиянии Китая. Однако период с 1913 по 1950 г. был временем, когда Тибет был свободен в той мере, в какой ему этого всегда хотелось. В 1913 г. в Китае произошла Синьхайская революция<sup>16</sup>, была свергнута маньчжурская династия и, как следствие, разрушилась система вассалитета, существовавшая в Цинской империи на протяжении нескольких веков.

Потрясения в Китае неизбежно породили начало патриотических настроений в Тибете. Главным выразителем идей возрождения «Великого Тибета» стал Далай-лама XIII, вернувшийся в 1913 г. из Индии, где он жил в вынужденном изгнании с 1910 г. Сразу по прибытии Далай-лама обратился к народу с воззванием, в котором содержался призыв к изгнанию ханьцев со всей территории Тибета<sup>17</sup>. Правовым основанием для обретения Тибетом независимости представлялся тот факт, что статус Тибета определялся через призму взаимоотношений «священник — покровитель», но не между Тибетом и Китаем вообще, а между Тибетом и конкретно династией Цин. С падением цинской ди-

<sup>14</sup> India Today. Volume XI, Number 28. July 13, 2015. P. 20.

<sup>15</sup> Это не совсем корректное утверждение. Древнее тибетское государство в период своего расцвета (VII–IX вв.), безусловно, обладало всеми признаками суверенности; во время последовавшей затем раздробленности и вплоть до подчинения монгольским завоевателям в первой половине XIII в. Тибет также не входил в состав других государств. (*Примеч. ред.*)

<sup>16</sup> Неточность: Синьхайская революция началась осенью 1911 г. и закончилась 12 февраля 1912 г. официальным отречением от власти Цинского императора. (*Примеч. ред.*)

<sup>17</sup> Богословский В. А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.: ИВ РАН, 2002. С. 10.

настии прекращались и указанные выше отношения. Так следовало из логики тибетских властей.

6 октября 1913 г. в Симле (Индия) по инициативе британцев были начаты трехсторонние переговоры, в которых участвовали делегации из Тибета, Великобритании и Китая. В результате переговоров была выработана Конвенция, которая среди прочего обязывала правительство Китайской республики не превращать Тибет в китайскую провинцию, не создавать там китайских поселений, а также не посылать туда свои войска и гражданских лиц. И хотя впоследствии, в 1914 г., эта Конвенция не была подписана и признана китайской стороной, участие Тибета в качестве самостоятельной и равноправной стороны переговорного процесса вдохновило тибетское правительство на дальнейшие шаги по укреплению своего нового статуса. Так или иначе, начиная с 1913 г. Далай-лама XIII стал вести независимую внутреннюю и внешнюю политику и действовал достаточно решительно.

Под руководством Далай-ламы XIII в Тибете были проведены обширные реформы, направленные на «модернизацию». Они затрагивали практически все сферы жизни Тибета — от преобразования государственного аппарата до широкомасштабных экономических реформ, от реорганизации армии до изменений во взаимоотношениях буддийских монастырей и государства.

Разумеется, все это вызывало сопротивление и внутри части тибетского общества, прежде всего феодальной знати (представителей старых аристократических родов) и высшего духовенства, для которых провозглашенный Далай-ламой тезис «идти в ногу со временем» зачастую означал потерю существенной части собственности и власти. Что касается реорганизации армии, то можно говорить о создании армии с нуля. Это было важнейшим решением, так как позволяло укрепить позиции Тибета во взаимоотношениях с Китаем и одновременно поддержать начинания Далай-ламы по внутреннему реформированию Тибета, а также придавало уверенность в том, что оппозиционные силы в лице светской знати и духовенства не смогут воспрепятствовать намеченным целям.

Тем временем Китай не прекращал усилий по возвращению Тибета под свою власть. Были и серьезные военные столкновения, такие как конфликт в Кхаме в 1930 г., продлившийся 2 года. После смерти в 1933 г. Далай-ламы XIII наступил довольно долгий и противоречивый период регентства. За эти годы Китаю так и не удалось установить свой суверенитет над Тибетом. Во время Второй мировой войны гоминьдановское правительство ослабило давление на тибетском направлении своей внешней политики. Однако после окончания этой

войны Китай вновь активизировал свои силы в решении «тибетского вопроса». Ослаблению Тибета в этот период способствовали внутренние разногласия. Так, весной 1947 г. произошла попытка государственного переворота, ставшая апогеем конфликта между правительством и монастырем Сэра на фоне попыток реставрации власти старого регента, правившего до интронизации Далай-ламы XIV и избрания нового регента.

В том же, 1947-м, году происходит событие, на которое и сегодня нередко ссылаются сторонники независимости Тибета. Речь идет об участии тибетской делегации в работе Межазиатской конференции, которая проходила в Дели весной 1947 г. Делегация была принята на самом высоком уровне с участием Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. На некоторых фотографиях тех дней можно видеть тибетский флаг в ряду флагов других государств, а на карте Азии, вывешенной в зале заседаний, Тибет был обозначен как самостоятельное государство. Однако после протеста МИД Китая флаг Тибета был снят, а на карте Тибет был включен в состав территории Китая<sup>18</sup>. Тем не менее тибетская делегация была выслушана.

Чуть более чем через год, 8 июля 1949 г., под предлогом борьбы с коммунистической пропагандой тибетским правительством было решено выслать из Лхасы всех членов китайского представительства, а также китайских торговцев, врачей, работников радиостанций, учителей.

Таким образом, были прекращены всякие отношения с гоминьдановским Китаем. Вернуть Тибет в состав Китая предстояло вскоре уже другому государству, Китайской Народной Республике.

## **1.2. События в Китае в 1950-х гг. и первая волна тибетской эмиграции**

Символической отправной точкой в развитии «тибетского вопроса» в рассматриваемый период можно считать сообщение китайского агентства Синьхуа от 2 сентября 1949 г., в котором говорилось:

*«Китайская Народно-освободительная армия освободит всю территорию Китая, включая Тибет, Сикан, острова Хайнань и Тайвань. Она не позволит ни одной пяди китайской земли остаться вне Китайской Народной Республики»<sup>19</sup>.*

<sup>18</sup> Богословский В. А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете... С. 120.

<sup>19</sup> Гуревич Б. П. Освобождение Тибета. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 93.

Через год китайские войска вторглись на еще не занятые<sup>20</sup> территории Восточного Тибета и, обладая военно-техническим и стратегическим преимуществом, вскоре одержали безоговорочную победу над гораздо более слабыми тибетскими вооруженными силами. Итогом этих событий стало подписание 23 мая 1951 г. тибетской и китайской сторонами «Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета», больше известного как «Соглашение из 17 пунктов». Уже из первого пункта Соглашения становилось понятно, что Тибет теперь и *de jure* утрачивал свою и без того шаткую независимость:

*«Тибетский народ должен сплотиться и изгнать из Тибета империалистические силы, тибетский народ должен вернуться в великую семью Родины — Китайскую Народную Республику»*<sup>21</sup>.

Я не буду здесь давать оценку и разбирать правомерность заключения такого рода соглашений делегатами обеих договаривающихся сторон, так же как не делал этого и в отношении Конвенции, заключенной в 1914 г. в Симле. Моей задачей является представить тот исторический фон, на котором позднее развернутся положившие начало феномену тибетской диаспоры события, связанные с массовым исходом тибетцев во главе с Далай-ламой со своей исторической родины.

В первые годы напряженности, сложившейся в связи с тибетским вопросом, Индия не ощущала на себе потока беженцев из Тибета. Об этом свидетельствуют официальные индийские документы того времени. Если обратиться к сборнику дебатов нижней палаты парламента Индии (Лок Сабха), то в записи от 6 июня 1951 г. мы видим, что на вопрос члена Временного парламента<sup>22</sup> Шри Кришнананда Рая министру внутренних дел Индии Шри Раджагопалачари о том, был ли приток беженцев в Индию со стороны Тибета со времени вступления туда китайских войск, последний ответил отрицательно<sup>23</sup>. Возможно,

---

<sup>20</sup> В оригинале здесь и на следующей странице использовано слово «окупированные»; это единственный случай использования в работе политически маркированной лексики; поскольку далее автор заявляет, что он не собирается давать политическую оценку описываемым событиям, редактор счел возможным заменить использованное слово нейтральным синонимом. (*Примеч. ред.*)

<sup>21</sup> Гарри И. Р. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 51.

<sup>22</sup> Временный парламента (Provisional Parliament of India) пришел на смену Конституционной ассамблее 26 января 1950 г. (дата окончательного вступления в силу Конституции Индии) и просуществовал до 1952 г. (до проведения в Индии первых всеобщих выборов).

<sup>23</sup> Indian Parliament on the issue of Tibet: Lok Sabha Debates 1952–2005. Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre (TPPRC). New Delhi, 2006. P. 13–14.

некоторое количество тибетских беженцев все же было и в указанный выше период (начало 1950-х гг.), но не было зафиксировано в официальной индийской отчетности тех лет. Это связано с тем, что до 26 декабря 1950 г. действовали Правила о паспортах (Passport Rules), согласно которым тибетцы могли въезжать на территорию Индии без паспортов, виз и разрешений на въезд (граждане Индии могли въезжать на территорию Тибета на тех же условиях). С 26 декабря 1950 г. в Индии начали действовать правила, по которым тибетцы могли пересекать границу Индии и находиться на территории республики только при наличии разрешения на въезд<sup>24</sup>.

В дальнейшем, вплоть до 1959 г., новая китайская власть проводила политику укрепления на занятых территориях. С одной стороны, происходило наращивание китайского военного контингента и распространение административного порядка по общекитайскому образцу, с другой — проводилась повсеместная агитация среди тибетского населения с целью привлечения его на свою сторону. С. Л. Кузьмин приводит данные, свидетельствующие о том, что количество членов коммунистической партии Китая из числа тибетского населения уже в 1957 г. достигло 1 тыс. человек. Кроме членов компартии к тому времени насчитывалось более 2 тыс. членов комсомола, более 6 тыс. членов Патриотической культурной ассоциации молодежи и более 1 тыс. членов Патриотической ассоциации женщин<sup>25</sup>. Но в целом в 1950-е гг. настроение тибетцев в отношении китайских властей было весьма негативным. Все это время на территории Тибета, особенно в восточных и южных его частях, действовали партизанские отряды, а также вспыхивали локальные восстания.

Апогеем антикитайского сопротивления стало многотысячное восстание в Лхасе 10 марта 1959 г. Поводом к нему послужили слухи о том, что китайские власти собираются силой увезти Далай-ламу в Пекин на съезд Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), а также последующие действия властей, подтверждавшие, по мнению тибетцев, эти планы. В частности, Далай-лама был приглашен в штаб военного округа в Лхасе на театральное представление и его охране было предписано не сопровождать его во время этого визита<sup>26</sup>.

В течение нескольких дней находившийся в Лхасе Далай-лама пытался решить конфликт мирным путем и даже вел переписку с китай-

---

<sup>24</sup> Indian Parliament on the issue of Tibet... P. 9.

<sup>25</sup> Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2010. С. 213.

<sup>26</sup> Цепон В. Д. Шакабпа. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. С. 335.

ским генералом Тань Гуансанем. Но уже в ночь на 17 марта 1959 г. по совету государственного оракула он со своим ближайшим окружением тайно покинул Лхасу, двинувшись в сторону индийской границы. Затем в течение 1959 г. из Тибета бежало около 80 тыс. тибетцев<sup>27</sup>.

### **1.3. Первые годы в Индии: миграционная политика в отношении тибетских беженцев**

Получив в Индии убежище, тибетские беженцы с самого начала остро нуждались во всесторонней помощи. По представлениям Далай-ламы, все тибетские беженцы должны были поселиться компактно в непосредственной близости от индийско-тибетской границы<sup>28</sup>. Но из соображений безопасности индийское правительство отказалось от этой идеи. Вместо этого с целью помощи тибетским беженцам, в особенности тем из них, кто прибыл из Тибета через территории Агентства северо-восточной границы (North-East Frontier Agency, NEFA) и Бутана, правительство Индии при поддержке властей Ассамы и Западной Бенгалии основало транзитные лагеря для беженцев в Миссамари (Ассам) и в Буксе (Западная Бенгалия). Эти транзитные лагеря находились под надзором специального индийского чиновника, и беженцы оставались там до тех пор, пока их не переселяли на более или менее постоянные места жительства в различных частях Индии.

Несмотря на то что в лагерях беженцы обеспечивались бесплатной едой, медикаментами и медицинским оборудованием, одеждой, многие из них умирали из-за резкой смены климатических условий и последствий трудного перехода через Гималаи<sup>29</sup>.

Необходимо отметить, что и в наши дни многие тибетские беженцы умирают как во время пути через горы, так и уже по прибытии в Индию. Причинами смерти зачастую являются обморожение, переохлаждение, голод, инфекции. Также следует учитывать, что среди общего числа тибетских беженцев крайне высок процент детей и подростков, поскольку в последнее время наблюдается тенденция, когда родители переправляют своих детей в Индию, а сами остаются в КНР.

[Параграф 1.3. не окончен, параграф 1.4. не раскрыт.]

<sup>27</sup> Богословский В. А. Тибетский район КНР (1949–1976). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 86.

<sup>28</sup> Grunfeld A. T. The Making of Modern Tibet. London: Zed Books Ltd., 1987. P. 191.

<sup>29</sup> Refugees and the State: Practices of Asylum and Care in India (1947–2000). Edited by Ranabir Samaddar. New Delhi: Sage Publications Pvt. Ltd., 2003. P. 287–288.

## ГЛАВА II

### СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ В ИНДИИ

#### 2.1. Статус тибетских беженцев в Индии

Индия столкнулась с проблемой тибетских беженцев в 1959 г., и до настоящего времени остается много неурегулированных вопросов. В Индии проживает большое количество беженцев из различных стран Азии — Китая, Пакистана, Афганистана, Шри-Ланки, Бутана, Мьянмы и др., и наибольшее количество среди них — тибетцы, около 1/3 всех беженцев, или около 100 тыс. чел. Численность тибетцев в Китае составляет 6,28 млн чел. (по данным 6-й всекитайской переписи населения 2010 г.)<sup>30</sup>.

Между тем в Индии до сих пор нет законодательства о беженцах. Нет и последовательной политики государства в отношении данной категории лиц. Республика Индия, образовавшаяся в 1947 г., оказалась в числе немногих стран-участниц ООН, не присоединившихся к Конвенции ООН «О статусе беженцев» от 28 июля 1951 г. и Протоколу к ней от 31 января 1967 г. Все беженцы в Индии, включая и тибетцев, подпадают под действие «Закона об иностранцах» (1946) и «Закона о регистрации иностранцев» (1939), т. е. рассматриваются попросту как иностранные граждане.

Началом массового исхода тибетцев со своей исторической родины, из Тибета, является 1959 г. Связано это прежде всего с жестоким подавлением частями НОАК антикитайского восстания тибетцев в столице Тибета Лхасе. Следует отметить, что к этому времени Тибет уже почти 10 лет вынужденно находился под властью коммунистического Китая. Итак, в 1959 г. Далай-лама принимает трудное для него решение покинуть Тибет. Вслед за ним в изгнание отправилось приблизительно 80 тыс. тибетцев. Эта цифра фигурирует в большинстве источников, но понятно, что эта первая волна беженцев не была одномоментной, длилась около года и была как началом, так и пиком вынужденной миграции тибетцев за весь ее период. В последние десятилетия главными мотивами, побуждающими тибетцев становиться беженцами, являются ограничения религиозных прав со стороны китайских властей, стремление улучшить материальное положение, языко-

---

<sup>30</sup> Здесь имеется в виду вся территория КНР. Численность тибетцев, проживавших в ТАР, согласно той же переписи, составляла 2,716 млн чел.

вая дискриминация в сфере образования и в повседневной жизни, желание воссоединиться с родственниками и др.

Решение о принятии тибетских беженцев Индией было крайне своевременным и благородным жестом со стороны премьер-министра страны Джавахарлала Неру в 1959 г., когда на первом после прибытия Далай-ламы заседании нижней палаты парламента Индии Неру сказал: «Это сложная и деликатная ситуация, и мы должны избегать любых действий, которые бы могли ее ухудшить. Мы не намерены вмешиваться во внутренние дела Китая, с которым у нас дружественные отношения»<sup>31</sup>. Одновременно с этим Неру гарантировал Далай-ламе политическое убежище. Но ни Далай-лама, ни десятки тысяч тибетцев, присоединившихся к нему сразу и в течение последующих десятилетий, не получили официального статуса беженцев.

С тех пор все вопросы и проблемы, касающиеся тибетцев в Индии, решаются индийскими властями на разных уровнях (от государственного до местного) методом административного управления. На интернет-сайте Иммиграционного бюро при Министерстве внутренних дел Индии четко изложены все нюансы, связанные с прибытием, пребыванием и статусом тибетцев в Индии. В отношении некоторой части тибетцев используется такое понятие, как «временный беженец»: «Тибетцы, прибывшие в Индию до 1959 г., будут иметь право на пособие по восстановлению здоровья как временные беженцы в Индии. <...> Дети тибетцев, рожденные до 1987 г. у родителей-тибетцев, прибывших в Индию до 1959 г., также будут иметь право на пособие по восстановлению здоровья как временные беженцы в Индии»<sup>32</sup>. Тибетцы, прибывшие в Индию с 1959 г. по 30 мая 2003 г., выделяются властями в отдельную категорию «пребывающих долгосрочно» и получают свидетельства о регистрации в региональных бюро по регистрации иностранцев (Foreigners Regional Registration Offices, FRRO).

Большинство тибетцев, живущих в Индии, не являются гражданами этой страны. Согласно индийскому закону о гражданстве, малая их часть имеет право на приобретение гражданства по рождению. Это касается тибетцев, родившихся в Индии с 26 января 1950 г. по 1 июля 1987 г.<sup>33</sup> Также в эту категорию попадают те, кто родился с 1 июля

<sup>31</sup> Refugees and the State... P. 284.

<sup>32</sup> Данные официального сайта Иммиграционного бюро при Министерстве внутренних дел Индии (Bureau of Immigration, India), Information Pertaining Tibetan Nationals.

<sup>33</sup> [http://mha1.nic.in/pdfs/ic\\_act55.pdf](http://mha1.nic.in/pdfs/ic_act55.pdf) [Материал в настоящее время недоступен на сайте МВД Индии; речь идет о документе: The Citizenship Act, 1955 = ic\_act55, в отсканированном виде он доступен на платформе Scribd.]

1987 г. по день вступления в силу поправок 2003 г. к указанному закону, но при условии, что хотя бы один из родителей являлся гражданином Индии. Более поздние уроженцы Индии приобретают гражданство по рождению лишь при условии, что оба их родителя являются гражданами Индии, или при условии, что на момент их рождения один из родителей являлся гражданином Индии, а другой не был нелегальным мигрантом.

Проживая в Индии на постоянной основе, но обладая статусом иностранцев, тибетцы сталкиваются со многими ограничениями. Они не могут быть владельцами недвижимого имущества, вести коммерческую деятельность, занимать государственные должности, принимать участие в выборах и т. д.

Практически у каждого тибетца, живущего в Индии, есть два основных документа:

1) свидетельство о регистрации (Registration Certificate, сокр. RC), которое выдается индийскими властями (региональными бюро по регистрации иностранцев) сроком на шесть месяцев или на один год с возможностью продления. С 2012 г. по просьбе Центральной Тибетской администрации правительство Индии приняло решение выдавать новые и продлевать старые свидетельства тибетцам, рожденным в Индии или проживающим там не менее 20 лет, сроком на 5 лет с последующим продлением<sup>34</sup>;

2) удостоверение личности, которое выдается только при наличии указанного свидетельства о регистрации и по рекомендации Бюро Его Святейшества Далай-ламы в Дели. Действует это свидетельство в течение двух лет и может быть продлено. Именно по этому документу, являющемуся аналогом паспорта для людей, проживающих в Индии и не имеющих индийского гражданства, тибетцы могут выезжать за пределы страны. Из-за цвета обложки его часто называют «Желтой книжкой»<sup>35</sup>. Удостоверение личности выдается в соответствии с индийским законом о паспортах 1967 г. Согласно этому закону, удостоверение личности относится к одному из трех классов проездных документов с целью установления личности человека<sup>36</sup>.

Кроме того, почти у всех тибетцев в Индии есть так называемая «Зеленая книжка» («Green Book»), которая является документом, име-

<sup>34</sup> <https://tibet.net/india-nod-to-extension-of-rc-for-5-years/> [21.02.2021].

<sup>35</sup> Здесь и в следующем абзаце у автора — «книга», что в данном контексте (обозначение персональных документов) не представляется оправданным. (*Примеч. ред.*).

<sup>36</sup> [http://passportindia.gov.in/AppOnlineProject/pdf/passports\\_act.pdf](http://passportindia.gov.in/AppOnlineProject/pdf/passports_act.pdf) (The Passports Act, 1967) [21.02.2021].

ющим юридическую силу лишь в пределах компетенции Центральной Тибетской администрации (Тибетского правительства в изгнании)<sup>37</sup>. Этот документ выдается с 1971 г. и при соблюдении некоторых формальностей и уплате первоначального взноса получить его может любой тибетец, достигший 6-летнего возраста, живущий в любой точке мира. По сути, это книжка по учету уплаты ежегодных взносов в пользу Тибетского правительства в изгнании на нужды тибетской диаспоры. Но обладание этим документом носит для тибетских беженцев важный символический характер. Документ важен и для тибетской администрации, поскольку подразумевает наличие полноценных членов тибетской диаспоры, связанных с Тибетским правительством в изгнании, могущих голосовать на выборах в тибетские органы власти и баллотироваться на различные должности. Кроме того, Центральная Тибетская администрация помогает людям с трудоустройством, учреждает различные стипендии, оказывает социальную поддержку.

Исходя из практических соображений, тибетцы, казалось бы, должны стремиться получить гражданство Индии, чтобы чувствовать себя уверенно и полноправно в стране, в которой им приходится жить, учиться, работать, вести бизнес, пользоваться социальными благами и защищать свои интересы. Однако большинство тибетцев, имеющих право на получение индийского гражданства, принципиально от него отказываются. Тибетцы верят, что они в Индии «ненадолго» и в обозримом будущем смогут вернуться в Тибет. Возвращение на историческую родину является основной декларируемой целью. Но есть и «промежуточные» цели, такие как миграция в страны Запада (США, Канада, Европа). Мой опыт общения с тибетцами (молодежью и людьми среднего возраста), проживающими в г. Дхарамсале (штат Химачал-Прадеш), показывает, что для многих именно переезд в страны Запада представляется важнейшей жизненной стратегией. Льготы и привилегии на Западе, хоть и небольшие, но есть и связаны именно со статусом тибетских беженцев. Для тибетцев же, имеющих индийское гражданство, на Западе получение таких льгот невозможно. Другая категория тибетских беженцев изначально рассматривает Индию только лишь как перевалочный пункт на пути в иные страны. Однако в случае с тибетцами в Индии практически нет той криминальной и не-

---

<sup>37</sup> С целью эффективного управления большим количеством как уже прибывших, так и продолжающих прибывать тибетских беженцев 29 апреля 1959 г. по инициативе Далай-ламы была учреждена Центральная Тибетская администрация, задуманная как преемница Правительства Тибета [Гадэн Пондранг = Dga' ldan pho brang], действовавшего до включения последнего в состав КНР.

легальной составляющей, которая возникает при транзитной миграции. По данным Тибетского правительства в изгнании, свыше 30 тыс. тибетских беженцев в Индии (около 1/3 всех тибетцев, проживающих в стране) намерены мигрировать дальше. Из них 80 % выразили желание уехать за границу (что в данном случае означает желание поселиться в западных странах, предпочтительнее всего в США или Канаде).

Западные страны воспринимаются тибетцами как место, где они смогут не только свободно жить, но и получить достойное образование, улучшить материальное положение. Многие тибетцы из тех, кто уже там обосновался, помогают своим родственникам в Индии и в Китае (по разным причинам стараясь это не раскрывать). Надо отметить, что желающие уехать на Запад нередко говорят, что это своего рода инвестиция в сохранение тибетской национальной идентичности. Тибетская интеллигенция широко расселена в странах Европы и Америки. Ее представители, получившие там образование, занимаются исследованием многих проблем и аспектов жизни тибетцев в изгнании и тибетцев внутри Китая.

Хотя представители тибетской диаспоры относятся уважительно к принявшим их индийцам, они зачастую пытаются различными способами подчеркнуть отличия своей культуры от местной индийской культуры. Тибетцы в большинстве своем отрицают всякую принадлежность к индийскому миру. Их желание дистанцироваться от индийской культуры нельзя назвать неприятием всего индийского или пренебрежением традиционными индийскими нормами жизни — скорее, в этом проявляется стремление сохранить свою собственную культуру и идентичность.

Административным, культурным и религиозным центром тибетских беженцев (не только Индии, но и всего мира) стал небольшой город Дхарамсала в штате Химачал-Прадеш на севере Индии в предгорьях Гималаев. Сюда в 1960 г. переехала Тибетская администрация, а также Далай-лама. В настоящее время в Дхарамсале и окрестностях проживает свыше 10 тыс. тибетцев. Кроме того, тибетские мигранты проживают и в других регионах Индии — на севере (Шринагар и Ладак в штате Джамму и Кашмир<sup>38</sup>), северо-востоке (штаты Сикким и Аруначал-Прадеш) и востоке (штаты Орисса и Западная Бенгалия). По данным последнего на сегодня демографического обследования тибетцев в изгнании, проведенного Центральной Тибетской администрацией в

---

<sup>38</sup> В 2019 г. штат Джамму и Кашмир был разделен на две союзные территории Индии: Джамму и Кашмир и Ладак (Ладакх); город Шринагар (Сринагар) является летней столицей первой из них. (Примеч. ред.)

2009 г.<sup>39</sup>, основная часть тибетских мигрантов Индии проживают на юге страны, преимущественно в штате Карнатака — 44,5 тыс. чел.

Проблемы тибетцев, живущих на севере и на юге Индии, во многом схожи, но есть и некоторые различия, обусловленные спецификой регионов. Серьезным вызовом являются взаимоотношения с местным индийским населением, а также с индийскими властями.

Поводы для конфликтов могут быть как чисто бытовые, так и имеющие политическую подоплеку (например, антикитайские митинги тибетцев). Случаются и административно-хозяйственные конфликты, связанные с земельными спорами. К типичным случаям относятся проявления зависти со стороны местного индийского населения по отношению к тибетским беженцам. По словам некоторых тибетцев, с которыми мне приходилось общаться, местные индийцы считают, что их тибетским соседям незаслуженно оказывается столь щедрая помощь со стороны мирового сообщества в целом и иностранных гостей в частности, в то время как самих индийцев, страдающих не меньше, эта помощь обходит стороной. Предметами зависти становятся одежда, технические устройства, бытовые условия, транспорт и даже сам факт повышенного внимания. В результате представители той и другой стороны в большинстве случаев говорят, что у них практически нет друзей из среды соседствующего с ними народа и их отношения лежат преимущественно в деловой плоскости.

Вот что рассказывает в одном из интервью тибетец, пожелавший, чтобы его имя не называлось:

*«Когда я жил в Массури<sup>40</sup>, то считал, что взаимоотношения между тибетцами и индийцами очень близкие, но здесь, в Дхарамсале, индийцы возмущены нашим присутствием. Они думают, что мы процветаем за их счет. Правда состоит в том, что тибетцы по своей природе очень трудолюбивый и энергичный народ. В индийских семьях работают в основном мужчины. В наших же семьях работают все — мужчины, женщины, дети. В 1994 г., когда были столкновения между местными и тибетцами, наши дома забрасывали камнями, а наши магазины поджигали. <...> Полиция никак нас не защищала. Внизу по улице проходили шесть индийских полицейских. Я громко звал их на помощь, но они равнодушно прошли мимо»<sup>41</sup>.*

<sup>39</sup> Demographic Survey of Tibetans in Exile — 2009. Dharamsala: Planning Commission, Central Tibetan Administration, 2010.

<sup>40</sup> М а с с у р и (англ. Mussoorie) — город в индийском штате Уттаракханд в округе Дерадун. Является одним из мест компактного проживания тибетских беженцев.

<sup>41</sup> Vahali H. O. Lives in Exile: Exploring the Inner World of Tibetan Refugees. New Delhi: Routledge India, 2009. P. 16.

Индийские власти на всех уровнях неизменно подчеркивают тот факт, что Тибет является неотъемлемой частью Китая, а также то, что Индию и Тибет объединяют многовековые исторические и культурные связи. В связи с этим правительство Индии призывает тибетцев, проживающих в Индии, не вести активную политическую деятельность, направленную на конфронтацию с Китаем. В тех случаях, когда такая активность ведется, она пресекается силами индийских правоохранительных органов.

Тибетская диаспора не является однородной. Внутри тибетского мигрантского сообщества порой кипят нешуточные страсти, например, по поводу путей решения так называемого тибетского вопроса. Среди тибетцев есть как сторонники радикальных мер (движение за независимость Тибета), так и приверженцы официальной позиции Тибетского правительства в изгнании и Далай-ламы (подход Срединного пути, стремящийся к достижению «подлинной автономии» Тибета в составе КНР и соблюдению прав и интересов тибетцев как одного из национальных меньшинств Китая).

Чрезвычайно важной и неизменно актуальной проблемой для тибетской диаспоры в Индии является проблема адаптации тибетцев, вновь прибывших из Китая. Тибетское правительство в изгнании старается оказывать всестороннюю помощь вновь прибывшим тибетцам на всех этапах их жизни в новых условиях. На начальном, самом трудном этапе адаптации неопределимую роль для новых членов диаспоры играют центры приема тибетских беженцев, расположенные в Дхарамсале и в Дели. Эти центры находятся в ведении Тибетского правительства в изгнании, а точнее его Департамента безопасности. Их задачей является оказание первичной юридической, медицинской, социальной помощи тибетцам, впервые прибывшим в Индию. Здесь помогают получить документы, найти работу, поступить в школу или в монастырь. В связи с большим количеством малограмотных людей, прибывающих из Тибета, еще в 1993 г. была основана Тибетская транзитная школа (Tibetan Transit School). В этом заведении могут жить и учиться вновь прибывшие тибетцы в возрасте от 18 до 30 лет. Время пребывания в данной школе ограничено сегодня 5 годами (до 1998 г. этот срок не мог превышать 2 лет, до 2000 г. он был не более 3 лет), что мотивирует людей максимально активно участвовать в устройстве своей дальнейшей судьбы, не надеясь лишь на помощь извне. На сегодня в этой школе прошли обучение около 6,5 тыс. человек — это не так много, во всяком случае, меньше, чем требуется.

При общении с тибетцами легко заметить, что среди компонентов тибетской идентичности (того, что в англоязычных работах принято называть “Tibetanness”) на первом месте стоит религиозная или ду-

ховная составляющая. Речь идет, конечно же, о тибетском буддизме во всех его проявлениях<sup>42</sup>. И хотя каждый тибетец-буддист знает о Трех Драгоценностях буддизма (Будда, дхарма и сангха) как о коренных идеалах буддизма и своеобразном буддийском символе веры, тем не менее в повседневной жизни, в разговорах с простыми тибетцами на первый план отчетливо выходит личность нынешнего Далай-ламы. Очень часто при первом знакомстве тибетские собеседники задавали мне вопрос: «Веришь ли ты в Далай-ламу?»

Тибетцы предпринимают немало усилий по сохранению своей культуры. Что касается тибетского буддизма, то причин для опасений по поводу его исчезновения нет. Этому способствует и постоянно возрастающая популярность тибетского буддизма во всем мире, проявляющаяся как в увеличении числа его приверженцев, так и в росте объема буддологических исследований. Но есть опасность другого рода. Дело в том, что нынешний Далай-лама XIV является тем стержнем, на котором, по сути, сегодня держится весь тибетский мир. Об этом говорил выдающийся индийский ученый и политик Локеш Чандра, с которым мне посчастливилось беседовать в 2014 г. в Дели. По его мнению, есть серьезные опасения по поводу дальнейшей судьбы тибетцев как нации после того, как не станет нынешнего Далай-ламы, если тибетцы уже сейчас не найдут в себе силы консолидироваться также и вокруг других основ тибетской идентичности.

Одним из главных вызовов для тибетцев, живущих в диаспоре, является сегодня сохранение не только буддийской традиции, но также языка, литературы, искусства, ремёсел, фольклора, традиционных праздников и обрядов во всем их многообразии. Сам по себе факт жизни в изгнании является вызовом, ответить на который вслед за предыдущими поколениями тибетских беженцев предстоит и нынешнему поколению.

Сохранение языка особенно актуально для тибетской диаспоры. Тибетский язык вряд ли исчезнет в обозримой перспективе. Более того, сейчас возникает все больше проектов по сохранению и поддержанию тибетской языковой традиции. Но в самом Тибете есть проблемы, связанные с повсеместной китаизацией всех сфер жизни, в том числе образования, что приводит к вытеснению тибетского языка в сторону факультативности. В то же время у тибетской диаспоры в Индии наблюдается обеднение тибетского языка. Тибетцы, чаще молодежь, в повседневной жизни нередко пользуются своеобразным пиджином — смесью тибетского языка с хинди и английским. Зачастую происходит

---

<sup>42</sup> Очевидно, в поле зрения автора не попала та (небольшая) часть эмигрантов, которые являются последователями религии бон. (*Примеч. ред.*)

замещение ряда тибетских слов иностранными словами, и молодежь не всегда может сразу вспомнить исконно тибетское название того или иного предмета или явления. Постепенно сокращается употребление в повседневной речи форм вежливости, присущих тибетскому языку. Грамотность населения (как количественно, так и качественно) также оставляет желать лучшего. В этом направлении активно работает Центральная Тибетская администрация (Тибетское правительство в изгнании): она регулярно выступает с обращениями к представителям подрастающего поколения, объясняя им, что на них лежит повышенная ответственность перед соотечественниками, живущими сейчас в Тибете.

Не перестает быть актуальной для тибетских беженцев в Индии и проблема безработицы. По данным упомянутого демографического обследования 2009 г., численность безработных среди работоспособных тибетцев Индии, Непала и Бутана составляла 36,8 тыс. чел., то есть 53 % всех проживающих на этих территориях тибетцев. По словам премьер-министра Тибетского правительства в изгнании г-на Лобсанг Сенге<sup>43</sup>, в ближайшие годы уровень безработицы будет только расти. Половину безработных составляют студенты. У нас нет данных о том, относятся ли к числу безработных многочисленные тибетские монахи, живущие в Индии. Вероятно, те из них, что являются послушниками монастырей-университетов, также включены в общее количество безработных, в категорию «студенты». Лишь треть из числа не имеющих работы сообщили об активном поиске ими работы<sup>44</sup>. Внутри тибетского эмигрантского сообщества рабочих мест очень мало, а индийские работодатели предпочитают трудоустраивать в первую очередь индийцев. Особенно сложно найти работу вновь прибывшим тибетцам. Довольно распространенной практикой является получение неработающими беженцами помощи от родственников, живущих в странах Запада. Бывают случаи индивидуального спонсирования конкретных тибетцев со стороны иностранцев (как физических лиц, так и неправительственных организаций). Такую регулярную спонсорскую помощь получают, как правило, юные члены тибетской диаспоры. Малоимущим членам диаспоры также оказывают помощь тибетские общественные организации. Следует отметить, что в последние годы в связи с улучшением уровня жизни тибетцев в некото-

---

<sup>43</sup> Тиб. blo bzang seng ge; по-английски имя премьер-министра Тибетского правительства в изгнании (занимает этот пост с 2011 г. по сей день) пишется Lobsang Sangay, поэтому по-русски его имя иногда записывают как Лобсанг Сангай, однако автор работы использовал более корректный вариант, следующий тибетскому произнесению имени. (*Примеч. ред.*)

<sup>44</sup> Demographic Survey of Tibetans in Exile – 2009... P. 16.

рых тибетских регионах Китая (не обязательно в Тибетском автономном районе) нередки случаи оказания ими материальной помощи своим малоимущим родственникам в Индии. Кроме того, множество тибетцев несколько месяцев в году (в основном в зимний период) занимаются сезонной работой. Традиционным и весьма распространенным видом сезонного заработка для тибетцев является торговля свитерами с выездом в различные индийские города. Существует даже так называемая Тибетская ассоциация торговцев свитерами.

Спектр проблем, с которыми сталкиваются тибетцы в Индии, весьма широк: от административно-правовых до психологических, от социальных до духовно-нравственных. Существенная помощь приходит к тибетским беженцам в Индии извне, со стороны неправительственных организаций из различных стран мира, а также в результате реализации многочисленных волонтерских программ. Однако многие проблемы постепенно удается решать благодаря воссозданию и поддержанию традиционных институтов тибетского общества, поддержке и взаимопомощи внутри тибетских общин и сообществ.

В последние годы наблюдается существенное снижение потока тибетских беженцев из Китая, вызванное прежде всего изменившимися условиями внутри этой страны. С одной стороны, как упоминалось выше, постепенно растет уровень жизни населения Китая, в том числе и тибетского. С другой стороны, усложнился выезд из Китая, а также транзит тибетских беженцев через китайско-непальскую границу, так как китайские власти оказывают существенное давление на руководство Непала в вопросах незаконной миграции. Если раньше непальские пограничные службы закрывали глаза на отсутствие у тибетцев, идущих с китайской стороны, необходимых документов, то теперь контроль значительно усилился.

Хотя положение тибетских беженцев в Индии, Непале и Бутане существенно отличается от положения их соотечественников в других странах мира, особенно западных, будущее тибетской диаспоры во многом будет зависеть от той стратегии, которой будет придерживаться руководство тибетцев в изгнании. Это касается и позиции тибетцев в изгнании по решению так называемого «тибетского вопроса» в Китае. Вероятнее всего, положение тибетских беженцев в Индии в лучшую сторону существенно не изменится. Но наличие хорошо налаженной и ориентированной на сохранение национальной культуры и традиций системы тибетского образования, прошедшей долгий эволюционный путь, позволяет нам смотреть на будущее этого страдающего народа с некоторой долей оптимизма.

[Параграф 2.2. не раскрыт.]

### **2.3. Психологическая адаптация тибетцев в Индии**

Когда речь идет об адаптации тибетских мигрантов к жизни за пределами своей исторической родины, то помимо вопросов экономической интеграции в принимающее общество остро встает вопрос о духовной, культурной и психологической адаптации людей в новых условиях.

И хотя эта проблема в предыдущие десятилетия, начиная с 1959 г., стояла гораздо острее в силу того, что в числе первой волны беженцев были в основном взрослые, сформировавшиеся в Тибете люди, тем не менее и сегодня она остается одной из главных. Необходимо отметить, что Тибет 1950–1980-х гг. резко отличался от того, каким его можно видеть сегодня. Если раньше между средневековым, в сущности, Тибетом и Индией середины XX в. (не говоря уже о странах западного мира) пролегла культурная пропасть и поэтому процессы адаптации были продолжительными и болезненными, то современные тибетские беженцы, прибывающие из тибетских регионов Китая в страны Южной Азии, адаптируются гораздо легче и быстрее. Значительно облегчает адаптацию и многократно возросшее количественно тибетское население в принимающих странах, достаточно развитая инфраструктура и относительно отлаженная система взаимоотношений с местным населением и властями.

#### ***2.3.1. Взаимоотношения тибетцев с местным индийским населением***

Несмотря на то что тибетские беженцы Индии живут в окружении местного индийского населения, они тщательно стараются сохранять свою обособленность в вопросах традиций, религии, языка и зачастую даже пищи. В последующих разделах я буду обращать внимание на то, что тибетская эмигрантская молодежь в последнее время имеет смешанные языковые предпочтения в силу различных причин. Так, например, многие информанты в качестве причин, по которым они используют в своей речи не только тибетский язык, но и хинди, называли привычку и необходимость делового общения с людьми, говорящими на хинди. С другой стороны, некоторые представители молодого поколения время от времени переключаются на английский язык и объясняют это тем, что они учатся в англоязычных учебных заведениях, а также тем, что им просто нравится говорить по-английски, а регулярное использование этого языка при ежедневном общении повышает уровень владения английским языком. При общении с тибетской

молодежью у меня сложилось впечатление, что хорошее знание английского языка повышает социальный статус говорящего и является своего рода модным атрибутом. Это во многом связано с тем, что в некоторых регионах Индии (особенно в штате Химачал-Прадеш) в постоянное инокультурное окружение тибетцев включены представители западных стран, которые иногда превышают по численности местные тибетские общины.

Взаимоотношения индийцев и тибетцев в приграничных с Тибетом областях Индии не были неизменно равными на протяжении многовековой истории и особенно в последние полвека, когда здесь стали массово поселяться мигранты из тибетских районов КНР.

Хотя представители тибетской диаспоры в Индии уважительно относятся к индийцам, принявшим их в свое время (и принимающим по сей день все новых беженцев), тем не менее они зачастую пытаются различными способами подчеркнуть отличие своей культуры от местной, то есть не стремятся к осознанию своей принадлежности к индийской культуре как к свершившемуся факту. Желание тибетцев дистанцироваться от индийской культуры нельзя назвать неприятием всего индийского или пренебрежением традиционными индийскими нормами жизни. В основе этой дистанцированности лежит инстинкт сохранения себя как нации.

Существует мнение, что «если раньше сохранение этнической идентичности интегрирующейся группы оценивалось как затрудняющее процесс аккультурации, сегодня оно оценивается позитивно, так как помогает сгладить трудности этого процесса. Особенно это важно для беженцев (недобровольных мигрантов)»<sup>45</sup>.

Что касается конфликтов, то они случаются постоянно. Если следовать одной из классификаций конфликтов, то в рассматриваемых регионах можно выделить два основных типа: межличностные (встречаются наиболее часто) и локальные.

Приведу два примера, иллюстрирующие природу межличностных конфликтов, которые, как правило, не выходят за рамки словесных перебранок и споров.

Антрополог Сандра Пэнни-Димри (Университет Сиднея) в одной из своих статей<sup>46</sup> описывает типичный случай, когда в поезде «Дели —

---

<sup>45</sup> Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. С. 132.

<sup>46</sup> Вероятно, имеется в виду статья: Penny-Dimri S. Conflict amongst the Tibetans and Indians of North India: Communal Violence and Welfare Dollars // The Australian Journal of Anthropology. Vol. 5. Is. 1–2. March 1994. P. 280–293. (Примеч. ред.)

Варанаси» группа индийской молодежи спорила с группой тибетцев по поводу чистоплотности последних. Известно, что индийцы, особенно индусы, традиционно стараются ежедневно принимать водные процедуры и тщательно заботятся о чистоте своих жилищ, одежды, пищи. У тибетцев же на родине такая практика повсеместно не распространена, и им сложно сразу адаптироваться к жарким и пыльным равнинам Индии. Поэтому некоторые индийцы находят тибетский образ жизни несколько неряшливым и неприятным и склонны обвинять тибетцев в нечистоплотности. В этом конкретном конфликте в поезде вопрос гигиены ехавших в нем тибетцев был решен, как только тибетцы достали свои ножи, а индийцы ретировались. Другой похожий случай Сандра Пэнни-Димри наблюдала на одном из рынков. Там возник спор между несколькими молодыми индусами-вегетарианцами и тибетскими монахами, покупающими мясо. Индусы порицали практику мясоедения тибетскими монахами как противоречащую нравственной чистоте и духовности.

Это в очередной раз демонстрирует, что если мирное сосуществование имеет относительно универсальные черты в разных странах, то конфликтные ситуации случаются зачастую по весьма специфическим причинам, характерным лишь для представителей конкретных народов, проживающих по тем или иным причинам на одной территории.

Когда тибетцы говорят о преимуществах проживания внутри своих собственных общин, они обычно указывают на различия в личностных чертах тибетцев и индийцев. Так, один информант-тибетец утверждал, что тибетцы — это такие люди, которым он «может доверять и на которых он может положиться», в то время как индийцам он «не может доверять и положиться на них не может». Также этот информант сказал, что хотя тибетцы «с виду, может, и не кажутся добрыми и учтивыми, но в душе они добрые и отзывчивые». Индийцы же, по его словам, могут выглядеть внешне добрыми и учтивыми, но этих качеств нет в их сердцах.

Эта общая позиция недоверия и приписывания некоторых негативных характеристик другой этнической группе создает ситуацию, которая препятствует тесным межличностным отношениям. В то же время это укрепляет социальные связи внутри этнической группы путем оправдания, объяснения поведения, которое отделяет их от других социальных групп данной территории.

Помимо незначительных межличностных конфликтов, на протяжении вот уже нескольких десятилетий возникают более серьезные споры и разногласия, носящие преимущественно экономический характер. Поначалу индийцы жаловались на то, что выделенная тибет-

цам под устройство их поселений земля с лесами и пастбищами стала для них недоступна и они не могут беспрепятственно пасти скот, собирать древесину на дрова и вообще вести привычный образ жизни. Потом стали регулярно возникать взаимные обвинения в незаконных посягательствах на землю. Причиной этому послужила неясность в понимании границ земельных участков как тибетцами, так и индийцами. Обе стороны апеллировали к индийской администрации (в частности, к инспекторам по сбору земельного налога), которая также не всегда могла раз и навсегда разрешить тот или иной спор. Такие ситуации, когда конфликты разгораются по экономическим причинам, чаще всего возникают в южноиндийских районах компактного проживания тибетцев, где в начале 1960-х гг. с разрешения индийских властей были основаны первые тибетские агропоселения (первое из них — Билакуппе в штате Карнатака).

Несмотря на все эти противоречия, тибетцы и индийцы в трудные минуты (например, после цунами, землетрясений и т. п.) всегда приходят друг другу на выручку: создают совместные восстановительные бригады, оказывают материальную помощь.

[Подпараграфы 2.3.2.–2.3.4. не раскрыты.]

### **2.3.5. Взаимоотношения между различными поколениями тибетских беженцев в Индии**

[План работы]

Процессы внутри диаспоры: вновь прибывшие, феминизм<sup>47</sup>, экологическое движение, споры внутри диаспоры по различным вопросам, в том числе Умэлам и Рангзэн<sup>48</sup>.

См.: *Moustogianni G. S. Tibetan but not from Tibet. A Minor Field Study on Tibetan Diasporic Identity in India. Master's Thesis. Lund University, 2007.*

<sup>47</sup> <http://www.tibetanfeministcollective.org> [Данный ресурс более не поддерживается, но ему предшествовала страница: <https://tibetanfeministcollective.wordpress.com/>, на которой зафиксированы записи вплоть до 28 апреля 2015 г., т. е. все материалы, которыми мог пользоваться В. С. Толокнов].

<sup>48</sup> Тиб. *dbu ma'i lam* и *rang btsan* (читается *рангцэн*; использованная автором форма «Рангзэн», вероятно, основана на часто используемой в англоязычной литературе форме *rangzen*). Первый термин обозначает 'срединный путь', т. е. требование полноценной автономии тибетских территорий (Центрального Тибета, Амдо и Кама) внутри Китая, второй — независимость, суверенитет. (*Примеч. ред.*)

## 2.4. Языковая ситуация в тибетской диаспоре Индии

[План работы]

Уровень грамотности населения по возрастам; пиджин (хинди-английский-тибетский); сокращение лексикона (активного и пассивного); утрата молодежью почтительной формы языка; унификация диалектов в единый язык диаспоры (чи-ке<sup>49</sup>); языковой сдвиг (с тибетского на английский); консервативность старшего поколения в вопросах языка; переключение кодов; секретный язык.

Проект «Esukhia», направленный на сохранение языка, а также подготовку высококвалифицированных переводческих кадров, обладающих языковым мастерством, экспертов в области тибетского языка. За четыре года своего существования (с 2011 г.) проект, начатый всего лишь одним человеком, занял ведущие позиции в Индии<sup>50</sup>.

## 2.5. Система образования в тибетской диаспоре как один из ключевых компонентов сохранения этнической идентичности

[Вступление]

Уже в первые годы пребывания в эмиграции Далай-лама XIV ясно дал понять, что вопросы образования тибетских беженцев являются приоритетными, представляя собой один из базовых компонентов тибетской этнической идентичности.

С первых же лет изгнания стало очевидно, что тибетские поселения не являются чем-то кратковременным и что предстоит обустроить жизнь в эмиграции на довольно долгосрочной основе. Строительство школ было одной из первых мер, предпринятых вновь образованным Тибетским правительством в изгнании. Уже в 1959 г. был образован Совет по тибетскому образованию, а в 1960 г. — Департамент образования Центральной Тибетской администрации.

Главной целью создания отдельных школ для тибетских беженцев в Индии было одновременно обеспечение детей качественным современным образованием и сохранение тибетского языка и культуры.

Многие тибетцы, прибывшие в Индию в первые годы эмиграции, были заняты на строительстве горных дорог на севере страны. Поначалу их дети жили вместе с ними, и присмотр за детьми осуществлялся официальными лицами. Но вскоре количество детей многократно увеличилось, и к тому же на-

<sup>49</sup> Тиб. *spyi skad* (букв.: ‘общий язык’). (Примеч. ред.)

<sup>50</sup> В этом месте была ссылка на старый сайт проекта, который более не поддерживается. Вместо него действует сайт: <http://esukhia.net/> [23.02.2021]. (Примеч. ред.)

зрела необходимость создания для них приемлемых условий для жизни. Как тогда, так и сейчас многие из тибетских детей-беженцев являются сиротами, имеют только одного родителя или же оказались разделенными со своими родителями, которые по тем или иным причинам остались в Тибете.

## **2.6. Культура тибетской диаспоры как фактор сохранения этнической идентичности**

### **2.6.1. Современная тибетская диаспорная музыка и кино**

[Основной тезис]

Склонность молодежи к общению, просмотру кино и прослушиванию музыки в ущерб чтению и образованию.

См.: *Dukes K. Cultural Citizenship in the Tibetan Exile: Movies, Media and Personal Stories. PhD Dissertation. Temple University, 2006; Diehl K. Echoes from Dharamsala. Music on the lives of Tibetan Refugees. PhD Dissertation. The University of Texas at Austin, 1998*<sup>51</sup>.

### **2.6.2. Современная тибетская литература в условиях диаспоры**

[Тезисы]

Наряду с сохранением религиозных традиций, классического тибетского образования, тибетского языка одним из факторов сохранения этнической идентичности тибетцев является сохранение литературной традиции. Особенно существенно это для тибетцев, живущих в условиях диаспоры, так как для них очень важна как преемственная связь с предыдущими поколениями тибетцев, так и синхронная связь с современными соотечественниками во всем мире. В настоящее время тибетская литературная традиция трансформируется вследствие изменения мировосприятия у тибетцев — как живущих в Китае, так и существующих в условиях диаспоры.

Благодаря поддержанию литературной традиции, из поколения в поколение передается художественный опыт. В наши дни привычные жанры тибетской литературы существуют параллельно с новыми жанрами, появление которых обусловлено изменяющимися условиями жизни представителей тибетской диаспоры в современном глобализирующемся мире.

Принимая во внимание, что тибетская литературная традиция естественным образом несет в себе жанры религиозной литературы, а также учитывая особое место в жизни тибетцев религии в целом и религиозной литературы в

---

<sup>51</sup> Работа издана в виде книги: *Diehl K. Echoes from Dharamsala: Music in the Life of a Tibetan Refugee Community. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2002. (Примеч. ред.)*

частности, можно рассчитывать на то, что тибетская литературная традиция не растворится в условиях инокультурной среды.

Перед представителями тибетской диаспоры (особенно в странах Запада) остро стоит вопрос сохранения чистоты тибетского языка, как письменного, так и разговорного. В этом отношении роль тибетской литературной традиции также трудно переоценить.

Литературная традиция является той осязаемой опорой, на которую может опереться народ, рискующий утратить свою национальную и этническую идентичность.

Широкая издательская деятельность представителей тибетской диаспоры за пределами КНР и разнообразные электронные проекты по сохранению и распространению тибетской духовной и светской литературы как на тибетском языке, так и в переводах на другие языки также позволяют надеяться на сохранение тибетской литературной традиции как одной из основ этнической идентичности тибетцев.

Важно, чтобы современная тибетская молодежь не утратила понимания литературной традиции как одной из основ существования и выживания народа в современном мире.

[Подпараграф 2.6.3. не раскрыт.]

### ГЛАВА III

## ТИБЕТСКАЯ ДИАСПОРА СЕВЕРНОЙ ИНДИИ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТИБЕТСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРОДА ДХАРАМСАЛА (ШТАТ ХИМАЧАЛ-ПРАДЕШ)

[Аннотация]

В основу данной главы положены материалы полевых исследований, собранные автором во время экспедиции в Индию в октябре-декабре 2014 г. Исследования проводились в городе Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш в Северной Индии), а также включали в себя работу в тибетском районе Маджну-Ка-Тилла в Дели.

Дхарамсала — это небольшой город в предгорьях Гималаев, являющийся административным, религиозным, культурным центром всего мира тибетской эмиграции. В контексте тибетских беженцев под Дхарамсалой обычно подразумевается верхняя (малая) ее часть — районы МакЛеод Ганж и Ганчен Кьисонг<sup>52</sup>. Нижнюю (основную) часть Дхарамсалы практически полностью населяют индийцы.

См.: *MacDonald P. Dharamsala Days, Dharamsala Nights: The Unexpected World of the Refugees from Tibet.* [S. l.], 2013.

<sup>52</sup> Тиб. gangs can skyid gshongs. (*Примеч. ред.*)

[Фрагмент]

*Взаимоотношения между представителями различных поколений тибетских иммигрантов в Северной Индии на примере тибетцев г. Дхарамсалы*<sup>53</sup>

Каждый новый приток иммигрантов всегда получает помощь от ранее прибывших и обосновавшихся на чужбине соотечественников и в то же время неизбежно сталкивается с определенным непониманием, а иногда даже противодействием с их стороны, особенно в сфере межличностной коммуникации. Это зачастую противоречит ожиданиям беженцев, грезивших о новой родине, поскольку если они и готовы к противодействию и конфликтам, то скорее со стороны местных жителей-индийцев.

В чем это проявляется на бытовом уровне среди тибетцев разных волн миграции в Северной Индии?

Рассмотрим на примере тибетских беженцев, находящихся в индийском штате Химачал-Прадеш (в основном на примере тибетцев Дхарамсалы и окрестностей), различные стороны и аспекты коммуникации и взаимодействия между тибетцами, живущими долгие годы или всего несколько лет в Дхарамсале, и тибетцами, которые совсем недавно прибыли из КНР — из исторического и географического Тибета.

Я попытаюсь показать точки соприкосновения и моменты различия этих двух сторон. Мое исследование основано на материалах, полученных с использованием метода включенного наблюдения, а также в результате ряда интервью, проведенных мной с представителями обеих сторон. Интервью охватывают представителей различных возрастных групп, полов, социальных страт, образовательного уровня и степени вовлеченности в политическую жизнь. Для полноты картины я привлекаю также данные других исследователей и ресурсы интернета. Это позволит рассмотреть проблему в динамике и дать некоторые прогнозы на будущее с учетом меняющейся социально-политической обстановки в регионе.

К этой же проблематике относятся и другие актуальные вопросы:

— проблема отцов и детей — как в широком плане (будущее тибетского народа), так и в более конкретном (ежедневные насущные дела и интересы);

---

<sup>53</sup> Основан на материалах к докладу «The Relationship Between Representatives of Different Generations of Tibetan Immigrants in Northern India: A case study of Dharamsala Tibetans», представленному на Международном семинаре молодых тибетологов, который прошел в Лейпцигском университете (Германия) 7–12 сентября 2015 г.

— проблема языковой коммуникации выходцев из различных регионов Тибета (У-Цзан, Амдо, Кхам и др.);

— ограниченные ресурсы компактно проживающих тибетцев.

Также я попытаюсь разобраться в причинах, по которым часть вновь прибывших тибетских беженцев возвращаются в тибетские районы Китая, выяснить, почему не оправдались их ожидания на новом месте.

Сформулирую еще несколько вопросов своего исследования. В чем заключается конфликт интересов и каким видят решение тибетского вопроса представители различных поколений тибетских мигрантов? Происходит ли со временем трансформация ценностей и идеалов? Как Центральная Тибетская администрация пытается найти универсальное решение для всех тибетцев?

В самом начале следует внести ясность в вопрос о том, что здесь будет пониматься под «поколением». Помимо естественного для любого общества деления по возрастному признаку и времени рождения (молодежь, средний возраст, пожилые люди), специфика тибетского общества в изгнании позволяет рассматривать понятие «поколение» шире, учитывая и другие признаки, помимо возраста. Так, известно, что с начала массового исхода тибетцев с их исторической родины (в 1959 г.) произошло три волны миграции. Считается, что сейчас мы являемся свидетелями третьей волны миграции. Но, учитывая, что поток тибетских беженцев носит постоянный непрерывный характер (хотя за последние 5–7 лет он по различным причинам значительно сократился), можно говорить о «поколениях» внутри одного краткого периода. Имеются в виду так называемые «вновь прибывшие» (*new arrivals*), которые могут быть любого возраста, но их можно считать молодым поколением относительно членов данного мигрантского сообщества. То есть речь идет не о биологическом, а о своеобразном мигрантском возрасте того или иного человека. Период, за который новый мигрант проходит путь от «вновь прибывшего» до «живущего давно», зависит от интенсивности протекания процесса его адаптации и включения в сообщество соотечественников, живущих в том или ином месте уже относительно давно. Эта интенсивность зависит от особенностей принимающего сообщества, а также от места [происхождения и] исхода, биологического возраста и личностных характеристик самого индивида.

Согласно Карлу Маннгейму, социальные поколения — это когорты людей, находящиеся в одном возрастном диапазоне и разделяющих сходные культурные опыты<sup>54</sup>. По словам социолога Хайнца Буде, по-

---

<sup>54</sup> См.: *Mannheim K.* Das Problem der Generationen // *Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie*, 7, 1928 und 1929, S. 157–185; 309–330. (*Примеч. ред.*)

коление «формирует сообщество людей сходного возраста, близкое к непосредственно переживаемым событиям и открытое для нового опыта, которое сознает свое отличие от предшествующих и последующих поколений». Именно поэтому, подчеркивает Буде, «коммуникация между поколениями всегда находится на грани взаимопонимания, что обусловлено временем непосредственного переживания событий. Возраст экзистенциально разделяет, потому что нельзя уйти от своего времени». Согласно данному подходу к исследованию поколений, абстрактное единство исторической эпохи и память общества распадаются, ибо у разных возрастных групп формируется своя память, которая зависит от опыта собственных переживаний; соседствуя и противопоставляя себя друг другу, эти возрастные группы отличаются видением мира, отсюда между ними возникают напряженности, трения и конфликты. Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать иную точку зрения<sup>55</sup>.

Если мы говорим о самом очевидном и традиционном делении на поколения по одному лишь возрастному критерию, то и здесь в случае с тибетскими беженцами есть своя специфика. В любом обществе есть психологическое пространство между старшим и младшим поколениями внутри сообщества. Это связано и со сменой предпочтений в зависимости от возраста, и с разницей в мировоззрении, и с особенностями исторических условий, в которых выросли представители разных поколений, и т. д. В случае же с тибетской диаспорой в изгнании мы фиксируем еще и различное отношение к перспективе вернуться на родину, разные формы тоски и грусти, разные мечты, связанные с Тибетом. Дело в том, что огромное количество тибетских беженцев либо уже родились за пределами Тибета, либо уехали оттуда в таком возрасте, в котором сложно осознавать территорию исхода как покидаемую родину. Таким образом, для этого огромного числа молодых тибетцев Тибет является местом, о котором они лишь слышали от кого-то из своих родных или от посторонних лиц. И хотя на сегодня издано очень много книг и статей по истории и современности Тибета, в сети доступно много видеороликов и документальных фильмов, в которых можно увидеть просторы Тибета, можно послушать традиционную тибетскую музыку и поговорить с людьми, приезжающими из

---

<sup>55</sup> В этом абзаце автор цитирует книгу: *Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 22–24. А. Ассман, в свою очередь, цитирует работу: *Bude H. Generationen im sozialen Wandel // Alt und Jung. Das Abenteuer der Generationen*. Hrsg. von Annette Lepenies (Hg.). Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld, 1997. (Примеч. ред.)

Тибета, молодые тибетцы лишены такого важного компонента, влияющего на формирование идентичности, как персональная память о родной стране. Многие молодые информанты в Дхарамсале говорили, что их дедушки и бабушки немало рассказывали им о жизни в Тибете до прихода туда китайцев в начале 1950-х гг. Тибетцы более старшего возраста слышали это, соответственно, от своих родителей.

Несмотря на большую разницу в культурном и историческом опыте между молодежью и старшим поколением, родившимся и выросшим в Тибете, в условиях совместного проживания в диаспоре у них не возникает серьезных конфликтов, которые выходили бы за рамки семейных перебранок, укоров и назиданий. Вся же основная масса конфликтов, носящих действительно травмирующий характер, случается, как правило, между представителями одной и той же возрастной группы. Чаще всего это подростки. Именно подростки болезненнее всего реагируют на критику, проявляют нетерпимость к сверстникам, чем-либо непохожим на них. Именно в этом возрасте жесткость иногда может принимать форму жестокости.

Надо отметить, что сами представители тибетской диаспорной молодежи не любят говорить о возникающих конфликтных ситуациях между вновь прибывшими и старожилами. Мне не раз приходилось слышать реплики о том, что муссирование этого вопроса способствует лишь разжиганию розни внутри тибетской диаспоры. К слову, примерно то же самое говорится и по поводу дебатов между сторонниками движения за независимость Тибета (Rangzen) и теми, кто придерживается стратегии Срединного пути (Umaylam). Но в личных доверительных беседах зачастую все же выясняются некоторые нюансы противоречий, некоторые причины и поводы возникновения конфликтных ситуаций. Так, один молодой информант, родившийся и выросший в Дхарамсале, сообщил, что сам он никогда не вступал в конфликт с вновь прибывшими тибетцами, но не раз видел, что стычки происходят по мелочам — на спортивных площадках, на улицах, в школе. Вновь прибывшие молодые тибетцы приезжают из своих регионов с характерными для них привычками, обычаями, манерой общения и разрешения конфликтных или спорных ситуаций. Так, некоторые тибетцы-старожилы отмечали грубость и невыдержанность вновь прибывших — те могли жестко играть в спортивные игры, быть чрезмерно импульсивными и т. д. С другой стороны, иногда бывает и так, что старожилы посмеиваются над вновь прибывшими без всяких на то причин, что вызывает обоснованный гнев последних.

Здесь же следует сказать и о специфическом сленге, относящемся к вновь прибывшим. Самым известным словом, которое само по себе не обидно, но в определенном контексте может носить уничижитель-

ный оттенок, является слово *sarjor/sanjor* (тиб. ལས་རྒྱུ་འབྱོར།), которое буквально означает ‘вновь прибывший’. Противоположным ему по значению является слово *nyingjor* (тиб. ལྷོ་རྒྱུ་འབྱོར།) — ‘прибывший давно’<sup>56</sup>. Есть еще одно английское название для тех тибетцев, которые прибыли в Индию с первой волной эмиграции из Тибета, а также тех, кто родился и вырос в Индии, — *settlement Tibetans (Settlers)*.

Иногда слово *sarjor* может быть противопоставлено нейтральному слову «тибетец» (Tibetan), получив в своем лексическом значении оскорбительный оттенок. По крайней мере один такой случай встретился мне в интернете: некий тибетец утверждал, что слова *sarjor* и ‘тибетец’ соотносятся между собой так же, как оскорбительное *nigger* и нейтральное *black* в отношении чернокожих. Следует подчеркнуть, что подобные негативные ситуации немногочисленны, но все же было бы необъективно с нашей стороны умолчать о них.

В действительности в подавляющем большинстве случаев тибетцы в изгнании тепло относятся к своим вновь прибывшим соотечественникам. Это проявляется как в личной помощи и поддержке, так и в создании общественных организаций, призванных помочь новым членам диаспоры адаптироваться в непривычных новых условиях.

Необходимо отметить роль различных волонтерских организаций (таких как LHA Charitable Trust в Дхарамсале) в создании условий, при которых вновь прибывшие тибетцы могут чувствовать себя комфортно. Подобные организации работают над проектами, связанными с экологией, образованием и т. д., привлекая в качестве волонтеров тибетцев и иностранцев. При этом срок волонтерства никак не ограничен. Достаточно быть, например, носителем немецкого языка, чтобы преподавать всем желающим тибетцам немецкий язык. При этом происходит и обратный процесс изучения тибетского языка немецкоговорящим учителем. Атмосфера таких центров очень способствует консолидации вновь прибывших тибетцев со старожилками или коренными местными тибетцами.

Между различными поколениями тибетцев, живущих за пределами Тибета, возникают споры по поводу ближайшего будущего их родины. И если все в конечном счете хотели бы независимости Тибета, то стратегии достижения этой цели каждый видит по-разному. Есть и сторонники радикальных мер — это, как правило, молодежь со свойственными ей идеализмом и максимализмом. Но я не раз становился свидетелем того, как меняется человек, получая больше образования, читая больше книг по истории и праву, знакомясь с аргументами своих политических оппонентов.

---

<sup>56</sup> Если переводить буквально, это будет, скорее, ‘староприбывший’. (Примеч. ред.)

Нередки случаи, когда старшее поколение укоряет молодежь за то, что последняя мало внимания уделяет традициям, религии, семье. Можно было бы сказать, что такое положение вещей характерно для любого общества, для любого народа на планете. Но не стоит забывать, в каких исторических условиях оказались тибетцы в изгнании. Многие тибетские официальные лица не перестают напоминать тибетцам, особенно молодежи, об их повышенной ответственности не только за свое настоящее и будущее, но и за настоящее и будущее тех соотечественников, которые испытывают различного рода лишения в Тибете, где наблюдается устойчивая тенденция к исчезновению многих компонентов традиционной тибетской культуры.

Очень непросто одновременно быть современным человеком, отвечать требованиям глобализирующегося мира и при этом сохранять многовековые традиции предков. В этом смысле тибетская диаспорная молодежь постоянно стоит перед необходимостью соблюдать определенный баланс между сохранением этнической идентичности (всего того, что принято по-английски называть *Tibetanness*) и соответствием современному мировому развитию. Особенно показательна в этом отношении Дхарамсала: живущей в ней тибетской молодежи соблюдать этот баланс гораздо сложнее, чем тибетской диаспорной молодежи в других регионах Индии. Но и Дхарамсала несравнима с условиями проживания тибетцев в западных странах, где вся окружающая среда далека от традиционного тибетского уклада.

Зачастую у представителей современной тибетской молодежи нет особого желания и усердия изучать родную культуру, историю, литературный язык, традиции. Та часть тибетской молодежи Дхарамсалы, которая пытается ориентироваться на западные ценности, усваивает и перенимает, к сожалению, лишь самые поверхностные (и вторичные) стороны жизни своих западных сверстников.

В связи с постепенной секуляризацией и «вымыванием» традиционных национальных привычек из жизни молодых тибетцев Дхарамсалы можно говорить о процессе постепенного замещения традиционных тибетских ценностей общемировыми (чаще всего западными), но на этом фоне внутри тибетского диаспорного сообщества нарастает число призывов сохранять тибетскую культуру и идентичность.

#### ГЛАВА IV

### ТИБЕТСКАЯ ДИАСПОРА ЮЖНОЙ ИНДИИ НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ШТАТА КАРНАТАКА

[Аннотация]

В основу данной главы положены материалы полевых исследований, собранные автором во время экспедиции в Индию в сентябре-декабре 2015 г.

Центральную часть экспедиции составила поездка в тибетские поселения юга Индии (штат Карнатака), где проживает около половины всех тибетских беженцев Индии.

[Фрагмент]<sup>57</sup>

[...] Экспедиция в Индию проходила с 24 сентября по 20 декабря 2015 г. Данный период был определен как наиболее оптимальный с климатической (единственный период в Индии без сезона дождей), политической (проведение выборов, общественная активность) и с хозяйственной (активизация деятельности фермеров, глав поселений) точек зрения. За этот период мной было посещено два индийских штата — Химачал-Прадеш (Северная Индия) и Карнатака (Южная Индия). За время экспедиционной работы был собран большой массив аудио-, фото- и видеоматериалов. Были проведены интервью с тибетскими беженцами различных поколений, социальных категорий, политических взглядов и регионов исхода. Кроме того, были проведены экспертные опросы и интервью с чиновниками различных министерств и ведомств Центральной Тибетской администрации (в том числе со спикером Тибетского парламента и некоторыми заместителями министров), чиновниками местных органов самоуправления тибетских поселений, преподавателями и директорами средних и высших учебных заведений, сотрудниками учреждений социальной сферы и др.

Необходимость посещения северного штата Химачал-Прадеш была обусловлена нахождением там административного, политического, культурного, религиозного центра тибетской диаспоры в городе Дхарамсала. Здесь мной был проведен ряд встреч с руководством профильных министерств и ведомств Центральной Тибетской администрации (министерство образования, министерство информации и международных отношений, министерство иностранных дел), спикером и некоторыми депутатами Тибетского парламента, взяты экспертные интервью у представителей избирательного комитета Тибетского правительства в изгнании, директоров и преподавателей тибетских школ и колледжей, руководства Института тибетской медицины и астрологии. Указанные руководители и эксперты существенно помогли мне в подготовке к работе в южноиндийских тибетских поселениях, снабдив рекомендательными письмами и гарантиями в адрес руководителей

---

<sup>57</sup> Содержится в отчете по проекту РГНФ №15-51-00018 за 2015 г. Этому отчету суждено было стать последним научным текстом, написанным В. С. Толокновым: он закончил его в больнице за день до своего ухода.

тибетских поселений юга Индии, а также школ, колледжей, университетов, общественных организаций, социальных учреждений (дома престарелых, больницы, интернаты) и др.

Отдельной важной причиной пребывания в течение одного месяца в городе Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш) была работа в Библиотеке тибетских рукописей и архивов (LTWA). Здесь я провел анализ существующих работ зарубежных исследователей по разрабатываемой мной проблематике (большинство из них недоступны в России), в том числе статей, диссертаций, монографий, материалов международных конференций. Также были проведены консультации с сотрудниками библиотеки и архива по вопросам современного состояния южноиндийских тибетских поселений, был пополнен список контактных лиц и информантов в этих поселениях.

В ходе многочисленных бесед с тибетцами Дхарамсалы выяснилось, что почти у каждого из них есть родственники в тибетских поселениях Южной Индии (в основном в штате Карнатака) либо же они сами являются выходцами из указанных поселений. Впоследствии это помогло установить ряд ценных для исследования контактов.

После подготовительной работы в Дхарамсале я переехал непосредственно в Южную Индию, сначала — в столицу штата Карнатака город Бангалор. Здесь нет поселений тибетских беженцев, но есть достаточно большой и быстро развивающийся тибетский образовательный центр, один из самых популярных и востребованных среди тибетской молодежи, — Институт высшего образования Далай-ламы (Dalai Lama Institute for Higher Education), аккредитованный при Майсурском университете. Комплекс Института включает в себя учебные корпуса, административные здания, библиотеку, общежития для студентов и преподавателей, гостевые дома для посещающих Институт ученых и преподавателей из Индии и со всего мира (мне выделили номер в одном из таких домов), комбинат питания, спортивную площадку. Территория прекрасно благоустроена. Все студенты Института — тибетцы из различных уголков Индии и Тибета — проживают на территории комплекса. Здесь же проживает почти весь преподавательский и административный состав. Расположенный в непосредственной близости к индийским поселениям и недалеко от крупного индийского мегаполиса (Бангалора), Институт Далай-ламы представляет собой некий анклав, более или менее изолированный от окружающего мира. Студенты вольны покидать территорию по своему усмотрению в любое время кроме ночи. Территория защищена индийским охранным предприятием. В данном Институте мне удалось взять экспертное интервью у ректора заведения, а также провести ряд интервью со студентами и преподавателями. Для студентов были подготовлены небольшие опрос-

ные листы (17 вопросов), но также имело место неформальное общение на английском и частично тибетском языках.

Следующим пунктом экспедиции было тибетское поселение Догулинг (Doeguling) близ индийского городка Мундгод на северо-западе штата Карнатака, в котором я провел десять дней. В состав поселения входит девять деревень (вместо названий деревни имеют нумерацию от 1 до 9), каждая из которых окружена землями сельскохозяйственного назначения. В общей сложности в поселении проживает около 17 000 тибетцев, а также незначительное число индийцев.

Представители той части индийского населения близлежащего Мундгода, которая вовлечена в торговлю и производство, в неформальных беседах зачастую отмечали, что существенную долю прибыли приносят им тибетские жители поселения Догулинг. В качестве яркого примера можно привести разговор с индийским владельцем магазина лакокрасочных изделий и бытовой химии в городе Мундгод, который заверил меня в том, что главными покупателями продукции его магазина являются тибетцы. Нацеленность на тибетского покупателя выражается даже в том, что магазинные вывески представлены на трех языках: английском, тибетском и каннада<sup>58</sup>.

Для тибетцев южноиндийских поселений, в том числе живущих в Догулинге, огромное значение имеет деятельность так называемых «кооперативных сообществ», которые выполняют все важнейшие экономические функции в тибетских поселениях и являются своеобразными гарантами благосостояния местного тибетского населения. Тибетские кооперативные сообщества действуют на основании Акта о кооперативных обществах штата Карнатака от 1959 г., однако имеют свою специфику, связанную с особенностями статуса и рода занятий тибетских беженцев в Индии. Кооперативные сообщества выполняют следующие функции: банковское обслуживание тибетского населения на условиях, более выгодных в сравнении с теми, что предоставляют местные филиалы индийских коммерческих банков; предоставление населению в аренду сельскохозяйственной техники в период сева и сбора урожая; скупка урожая по рыночным ценам, что позволяет тибетским фермерам избежать услуг перекупщиков и посредников; строительство объектов социальной инфраструктуры и др. Следует отметить, что за последние 5–7 лет функции некоторых тибетских кооперативных сообществ существенно расширились и их работа стала во много раз эффективнее. Об этом свидетельствуют материалы ежегодных отчетов, с которыми мне удалось ознакомиться, а также иностранные интервью руководителей данных кооперативных сообществ.

---

<sup>58</sup> Основной индийский язык штата Карнатака. (Примеч. ред.)

В разговорах с лидерами тибетских деревень, которые являются своеобразными посредниками между руководством поселения и рядовыми фермерами, удалось выяснить, что многие фермеры в основном довольны деятельностью кооперативных сообществ и свое материальное благополучие также связывают не в последнюю очередь с их активностью. Об этом же говорят и опрошенные мной фермеры, активно модернизирующие свои хозяйства за счет гибкой политики кооперативных сообществ.

Почти в каждой деревне того или иного поселения есть свои небольшие здания для проведения общественных и культурных мероприятий (Community Hall), которые поддерживаются в хорошем состоянии и регулярно используются в различных целях — для собраний, выборов, религиозных церемоний, праздников, встреч гостей и т. д. Это способствует сохранению традиционных тибетских институтов и традиций.

Как правило, все социально значимые здания и сооружения в тибетских поселениях построены за счет привлечения спонсорских средств, о чем свидетельствуют памятные таблички на них. В основном спонсорами являются частные лица и/или общественные организации из развитых стран — США, Канады, Франции, Германии, Италии, Японии и некоторых других. Иногда спонсорами выступают тибетцы, проживающие в странах Запада.

Отличительной чертой всех тибетских поселений юга Индии является то, что количество монахов в местных тибетских буддийских монастырях многократно превышает численность светских тибетцев (фермеров, ремесленников, торговцев, офисных работников и др.). С одной стороны, это способствует процветанию местных торговых лавок и заведений общественного питания за счет неубывающего потока клиентов и покупателей из числа монахов. С другой стороны, часть местного светского тибетского населения время от времени высказывает свое недовольство сложившимся положением вещей и, в частности, ростом экономического влияния монастырей, а также ничем не обоснованным, по их мнению, ростом благосостояния отдельных монахов (за счет щедрых пожертвований западных спонсоров). Это также, на их взгляд, приводит к излишнему вниманию индийских властей и надзорных органов ко всему поселению, что при существующей нечеткости в трактовке имущественных прав тибетцев в Индии в некоторых случаях может усложнить жизнь местным тибетским жителям и предпринимателям.

В ходе работы в тибетских поселениях юга Индии было выявлено много нововведений и изменений, которые до сих пор не были описаны и проанализированы тибетологами. Так, в некоторых поселениях

существенно изменилась стратегия и методика работы местных тибетских кооперативных сообществ в сторону расширения их функций и оптимизации работы с населением; изменилось соотношение типов выращиваемой тибетскими крестьянами сельскохозяйственной продукции, что, в свою очередь, влияет на уровень жизни тибетских крестьян и на изменение процента жителей того или иного поселения, участвующих в сезонном челночном бизнесе во время вынужденного простоя пахотной земли (при этом картина внутренней трудовой миграции также меняется); меняется структура сельского хозяйства, а также уровень жизни населения.

Что касается взаимоотношений тибетских беженцев с местным индийским населением, то ситуация в тибетских поселениях штата Карнатака и на прилегающих к ним территориях существенно отличается в лучшую сторону от ситуации в штате Химачал-Прадеш в целом и от ситуации в городе Дхарамсала в частности. Тому есть несколько причин. Однако, как мне кажется — и это подтверждается рассказами информантов, — первая и главная причина столь тесных и зачастую позитивных взаимоотношений коренится в том, что изначально правительство Индии выделило тибетским беженцам земли на юге Индии (около 4000 акров), полностью непригодные для ведения сельского хозяйства, а также для строительства поселений и инфраструктуры. Все рассматриваемые территории практически целиком представляли собой непроходимые джунгли, полные диких зверей, вследствие чего коренные индийские племена в этих местах не селились. Тибетские иммигранты, получившие права на эти земли, в течение нескольких лет осуществляли вырубку лесов и культивацию высвободившихся из-под лесов земель. Только после того как на рассматриваемых территориях появились поля, пастбища, дороги и другие условия для нормальной жизни, вокруг тибетских деревень начали селиться первые индийские семьи и общины. Эти первые индийские переселенцы по понятным причинам зависели от уже освоившихся на преобразованных территориях тибетцев. В то же время тибетцам постоянно была необходима дополнительная рабочая сила для полевых работ, строительства зданий и сооружений, дорог. В дальнейшем индийское население начало вести активную торговлю с тибетскими жителями продукцией сельского хозяйства и животноводства, оказывать услуги по перевозке людей и грузов, а также осуществлять другие виды деятельности, традиционные и привычные для индийского населения региона. Не являясь гражданами Индии и не обладая поэтому всей полнотой гражданских прав (в том числе и имущественных прав), тибетцы периодически пользовались наличием таковых прав у живущих рядом с ними ин-

дийцев (например, чтобы открыть и зарегистрировать торговую лавку или магазин).

Специфика процессов адаптации тибетских беженцев на юге Индии связана прежде всего с тем, что большинство из них распоряжается землей на правах аренды (в отличие от тибетских беженцев в Дхарамсале, которые не имеют земли). Тибетские семьи арендуют одинаковые участки у местной тибетской администрации, которая, в свою очередь, владеет этой землей на правах лизинга, предоставленного индийским правительством в начале 1960-х гг. С тех пор общее количество земель, переданных тибетским беженцам, не изменялось; происходит лишь перераспределение земель внутри тибетских поселений в связи с изменениями в составе семей.

Привязанность к земле, а также опасение потерять ее являются одной из причин гораздо более низкой повторной миграции (выезд за рубеж на постоянное место жительства), чем в остальных местах компактного проживания тибетцев в Индии, где, как правило, у тибетцев нет своего недвижимого имущества и земли. Но что касается внутренней мобильности, то она в равной степени характерна как для безземельных тибетцев Северной Индии, так и для тибетцев-фермеров Южной Индии. Связано это с традиционным сезонным бизнесом, которым занимаются все тибетцы, если только у них есть подходящие материальные, физические и семейные условия. Это так называемый *sweater business*, который вовлекает в себя тибетцев со всей Индии в период с октября по февраль. Существует даже Ассоциация торговцев свитерами (несмотря на название, торговля ведется различной продукцией, в основном сделанной из шерсти — свитерами, шалями, носками, рубашками и другой одеждой). Схема ведения бизнеса выглядит, как правило, так: тибетец (один или с родственниками) едет в город Лудхиана (штат Пенджаб), закупает там продукцию и затем отправляется в ту или иную точку Индии (география самая обширная), где сбывает купленную продукцию на арендованной заранее площадке. Некоторые тибетцы возвращаются каждый год на одну и ту же площадку, кто-то постоянно меняет место дислокации, но неизменным остается место закупки товара — Лудхиана. Часто в некоторых индийских городах приезжие тибетские торговцы организуют целые рынки, которые пользуются неизменной популярностью у местного индийского населения.

В каждом тибетском поселении существует как минимум один дом престарелых. Интервью с пожилыми тибетцами, постоянно проживающими в этих домах, послужили бесценным источником информации о начальном периоде миграции тибетцев из Тибета в Индию, о первых шагах части тибетского народа на пути к адаптации в новых

социокультурных и природных условиях. Многие из жителей домов престарелых рассказывали, что до своего прибытия на юг Индии они были направлены индийским правительством на строительство дорог в северной части страны. В те первые годы пребывания тибетцев на индийской земле очень многие из них умерли от сложных условий труда, жаркого и влажного климата в сочетании с непривычной едой и сравнительно грязной водой. Также, по словам моих информантов, они испытывали большие трудности в коммуникации, так как не знали никаких языков кроме родного тибетского. Некоторые пожилые люди, стоявшие у истоков новых южноиндийских тибетских поселений, много рассказали мне о первых шагах тибетских общин на новых территориях, о трудностях и особенностях адаптации, о взаимоотношениях с местным индийским населением и властями.

### **Выводы**

1) Тибетцы юга Индии ведут традиционный образ жизни, характерный для тибетских земледельцев в Тибете до начала миграции в 1959 г. Таким образом, сохранение идентичности здесь происходит органичнее, чем на севере Индии, где хоть и сосредоточена вся административная, политическая и духовная власть, но происходит размывание традиционных ценностей и образа жизни.

2) Система местной администрации на юге Индии играет существенно большую роль в жизни тибетской диаспоры, чем местная администрация в других частях Индии. Это связано прежде всего с землей и ее перераспределением внутри тибетских общин в условиях фиксированного количества этого ресурса у тибетцев.

3) Процессы адаптации и социализации тибетских иммигрантов в Индии в целом происходят универсальным образом, но иногда имеют существенные различия, связанные с историческими реалиями, внутренним развитием тибетской диаспоры и меняющимся влиянием иностранных граждан и организаций (особенно из западных стран).

4) Изменения в индийском законодательстве, регулирующем жизнь тибетцев в Индии, приводят к новому переосмыслению положения тибетской диаспоры в принимающей стране. Так, введенный в действие индийским правительством в результате многочисленных консультаций с Центральной Тибетской администрацией документ «Тибетская реабилитационная политика — 2014» (в названии указан год его принятия) существенно расширяет права тибетских беженцев в Индии в экономической сфере (право осуществлять любой вид экономической деятельности, получать лицензии на торговлю), а также дает

право занимать должности в любой сфере в соответствии со своим профильным образованием и квалификацией. Также теперь разрешается регистрироваться в качестве избирателей тибетцам, родившимся в Индии. Раньше все эти вопросы были очень болезненными для тибетской диаспоры в Индии, вызывали резкие споры и конфликты. Принятие данного документа означает существенный поворот в жизни тибетских беженцев в Индии и может серьезно повлиять как на взаимоотношения с индийским населением, так и на уровень повторной миграции в западные страны.

5) Стремление эмигрировать в западные страны у молодежи тибетских поселений юга Индии так же велико, как и на севере, но отсутствие в этих отдаленных уголках Индии большого количества иностранных туристов снижает ежедневную эмоциональную нагрузку на молодежь.

6) Преобладание буддийских монахов из прилегающих к южноиндийским тибетским поселениям монастырей над тибетским фермерским, ремесленным, торговым и другим светским населением имеет в глазах последних не всегда позитивную оценку. Однако воссозданные крупнейшие тибетские монастыри (по образцу одноименных монастырей в докоммунистическом Тибете) не без основания считаются важнейшим фактором сохранения этнической и религиозной идентичности тибетцев в условиях диаспоры и являются местом паломничества тысяч тибетцев из Тибета, Индии, Непала и других стран.

## ОБ АВТОРАХ

**Бородаев Вадим Борисович**, ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

**Жуковская Наталия Львовна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН

**Зайцев Вячеслав Петрович**, научный сотрудник отдела Дальнего Востока ИВР РАН

**Зорин Александр Валерьевич**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН

**Сизова Алла Алексеевна**, младший научный сотрудник отдела рукописей и документов и лаборатории «Сериндика» ИВР РАН

**Туранская Анна Александровна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории «Сериндика» ИВР РАН

**Успенский Владимир Леонидович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ

**Яхонтова Наталия Сергеевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

## AUTHORS

**Borodaev, Vadim Borisovich**, Leading Specialist in Education and Methodology at the Educational Research Laboratory for Regional History, the Altai State Pedagogical University, Barnaul

**Sizova, Alla Alekseyevna**, Junior Researcher at the Serindica Laboratory and the Department of Manuscripts and Documents, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

**Turanskaya, Anna Aleksandrovna**, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — Philology, Junior Researcher at the Serindica Laboratory, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

**Uspensky, Vladimir Leonidovich**, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — History, Professor and Chair of Mongolian and Tibetan Studies, the Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University

**Yakhontova, Natalia Sergeevna**, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — History, Senior Researcher at the Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

**Zaytsev, Viacheslav Petrovich**, Researcher at the Department of Far Eastern Studies, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

**Zhukovskaya, Natalia Lvovna**, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — History, Professor, Head of the Center for Asiatic and Pacific Research, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

**Zorin, Alexander Valeryevich**, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — Philology, Senior Researcher at the Department of Manuscripts and Documents, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ  
Сборник статей. Выпуск 2

Макет подготовлен издательством  
**«Петербургское Востоковедение»**

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111  
*e-mail:* pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*  
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*  
Корректор — *Т. Г. Бугакова*  
Дизайн обложки — *А. А. Сизова*

Подписано в печать 02.08.2021. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 22,25 печ. л. + вклейка  
Тираж 300 экз. Заказ № 60

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»  
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14  
*web-site:* [www.litobook.ru](http://www.litobook.ru)  
*e-mail:* [info@litobook.ru](mailto:info@litobook.ru)

Иллюстрации к Части 2: памяти В. С. Толокнова



Ил. 22. В. С. Толокнов в национальном тибетском костюме, Дхарамсала, Индия (10.12.2014, фото из домашнего архива семьи Толокновых)



Ил. 23. Интервью в доме престарелых, Дхарамсала, Индия. 19.10.2015. Фото из домашнего архива семьи Толокновых